

Алексей Селецкий

Нелюдь

«Научная книга»

Селецкий А.

Нелюдь / А. Селецкий — «Научная книга»,

Древний народ сумел спасти российский город от выброса черной энергии из преисподней. Однако силы Тьмы не оставляют надежды на реванш. Подстрекаемые темными колдунами вооруженные группы боевиков, именующих себя «чистильщиками», начинают охоту на членов воинского братства Древних. Александр Шатунов, кадровый разведчик и ветеран локальных войн времен распада СССР, вновь оказывается в центре событий.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	34
ГЛАВА 5	42
ГЛАВА 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексей Селецкий

НЕЛЮДЬ

Сериал «Древняя кровь»

ПРОЛОГ

– Это не мой ребенок! Верните мне моего ребенка!
– Успокойтесь, пожалуйста...
– Верните моего ребенка! Верните мне моего ребенка! Говорю вам, верните мне моего ребенка!
– Послушайте...
– Ничего не хочу слушать! Вы подменили ребенка! Специально или по ошибке – сами разбирайтесь, а мне нужен мой ребенок!

Врач, немолодая уже женщина в синеватом халате, устало опустилась на кушетку. Ну и что прикажете делать? Как объяснить человеку то, что он не желает воспринимать? Не было ошибки, проверяли и перепроверяли уже второй день. Да что проверять, если еще в родильном зале все стало ясно?

Конечно, все младенцы появляются на свет отнюдь не розовыми карапузами из рекламных роликов. За годы своей работы приходилось видеть всякое – и перекошенные головки у вполне нормальных новорожденных, и шестые пальцы, и много чего еще, о чем эта кричащая мамаша не догадывается. К счастью. Дети хронических алкоголиков, дети работников химзавода, дети черныбыльцев... Последние, впрочем, в большинстве своем как раз получше, особенно сейчас. В первые годы – да, хватало отклонений. Теперь нашлись другие причины.

А у этой истерички все более-менее прилично. Рефлексы новорожденного нормальные, ультразвук отклонений тоже не показал. Вот только внешность... Ну, еще зубы, пожалуй, но это бывает не так уж редко. Уши чуть заостренные – тоже могут расправиться. После родов, особенно таких тяжелых, трудно ожидать идеальной формы. Вот что не объяснить – это пропорции черепа. Глазницы слишком большие, разрез глаз странный – это уже сейчас видно. А в остальном – нормальный ребенок. Даже чем-то на мать похож. Голосом, наверное. Такой же пронзительный.

Вообще с этими родителями вечные проблемы. Особенно после эпидемии. Странная была болезнь, накатила и отхлынула. Как, почему – никто не знает. Но, говорят, последствия до сих пор ощущаются. Вот и это, вполне может быть...

– Простите, а четыре года назад вы или ваш муж не болели? Вы понимаете, что я имею в виду?

Разъяренная женщина – да какая там женщина, девчонка почти – замолчала. Захлопала глазами:

– Вы думаете, это может быть...
– Не знаю, не знаю. Так болели или нет?
– Н-нет... Но я мужа спрошу. Он не рассказывал, но вы же знаете, многие бояться признаться... Неужели из-за этого?

– Не могу вам сказать, – врач строго посмотрела в испуганные глаза. Добавила многозначительно: – Не имею права. Но не исключено. А что ребенок именно ваш – можете генетическую экспертизу провести. Если выяснится, что мы ошиблись – оплатим. Но за наш роддом я ручаюсь. Так что, будем создавать конфликтную комиссию? Такие дела у нас через Облздрав делаются.

Интересно смотреть, как меняются люди. Только что в кабинете бушевала даже не разъяренная тигрица – выпущенная на свободу стихия. Ураган, цунами, извержение вулкана! И вдруг – маленький, испуганный человек. Осознавший, что он не прав, и его проблемы придется решать ему самому. Или еще не осознавший, но уже получивший спокойный отпор. Когда противник спокоен и готов к бою – это заставляет задуматься.

– Я вас прекрасно понимаю, – теперь врач могла себе позволить быть мягкой, сопереживающей. – У меня у самой двое, лечить приходилось... У вас все еще более-менее, начнете коррекцию сейчас – к году и следа не останется. Сейчас это можно бесплатно сделать, в городе центр открылся для детей с такими патологиями. Вам адрес и телефоны дать?

– Давайте, – решительный кивок, проглоченные слезы. Сдалась окончательно. Вот и славно. Впереди еще долгий день и масса других хлопот. В реанимации такую же девчонку после кесарева никак не могут в сознание привести. Пока вроде бы ничего страшного, затянувшееся действие наркоза, но скоро начнутся настоящие проблемы. Хорошо хоть главному пока не докладывали.

* * *

– Готов? Пошел! – голос выпускающего почти не слышен. Шлем на голове, ветер в открытом люке. Мотор «кукурузника» трещит и ревет. Шлепок по плечу. Шаг – какой он тяжелый, длинный, этот шаг! Головой вперед, краем глаза виден проносящийся над головой зеленый «хвост» с красной звездой. Ветер в лицо, слезы из глаз. Кувырком, вверх ногами! Рывок – первый, еще не самый сильный. И-раз, и-два, и-три... Можно не считать, кольцо сегодня дергать не придется. Принудительное раскрытие – карабин, трос и так далее. Шорох и шевеление за спиной – словно раскрываются крылья. Если бы! Сжать зубы... Удар! Над головой гулко хлопнуло. Тело дергается в ремнях подвесной системы. Все, купол раскрылся. Теперь до самой земли – тьфу-тьфу – проблем быть не должно. Можно оглядеться.

Все-таки красиво смотрится земля из-под купола. Поворачивается, покачивается плавно, как манекенщица на подиуме. Есть что показать, есть, никто не спорит. Пусть даже не раз виденное – все равно каждый раз красиво. Ради такого зрелища можно и в люк шагнуть, и дернуться от динамического удара.

Где-то над головой урчит «кукурузник», чуть в стороне и ниже парят еще несколько шелковых зонтиков. Внизу – «пяточок», но до него еще лететь и лететь. Да и не попасть точно на него, это для спортсменов задача, не для «летучих чайников». Выбросили, хлопнул куполом – виси, любуйся. Вон река блестит, острова зеленеют сквозь слепящее сияние. Какое-то суденышко ползет. За рекой – полоска прибрежного леса и степь до горизонта. Или поля – не разберешь. На горизонте что-то дымится.

Поворот – другой берег, холмы, поля. Городская окраина с высокой красно-белой трубой. Чуть дальше – серо-белая бугристая корка города. Поближе – электричка ползет, дачников развозит. Трактор что-то тащит по полю, агрегат какой-то. Вдалеке – лесистая гряда в сизой дымке. Почти под ногами – лесок, домишки среди садов, серая ниточка асфальта. Смещается в сторону, скрывается за леском. Поляна внизу все шире, на ней уже чей-то купол гаснет. Все, пейзаж кончается. Ноги вместе, чуть подогнуть...

– Ну, лейтенант, который сегодня?

– Четвертый... товарищ подполковник.

– Еще один прыгнешь – и будешь запаску опробовать. Согласен?

– Как прикажете.

– Не «как прикажете», а «так точно!» – подполковник ухмыльнулся. – Ничего, скоро десантником станешь. Жалко, голубой берет нам не положен, а то девчонки с шеи не слезали бы!

Лейтенант пожал плечами. Стать десанником он не мечтал. Девчонки – неплохо, но и без берета пока обойдемся. И вообще, хотел бы стать военным – поступал бы в училище, а не в университет. Есть же у нас, в конце концов, химвойска и все прочее?! Вот из них бы и набирали себе...

Кому-то наверху было виднее. Кто-то решил, что проще и быстрее вчерашнего студента одеть в форму, чем подготовить нужного специалиста в армейском училище. Тем более что студент со второго курса работал с «закрытой» темой, прошел все проверки – хоть врачебные, хоть в первом отделе. Да и на «объекты» регулярно выезжал. Одним словом, почти что свой. Хотите получить работу по специальности, Андрей Владимирович? С неплохой зарплатой, служебным жильем и тэ-дэ? Тогда давайте ваш красный диплом и получите вот эти книжечки. Синяя, зеленая и красная. Удостоверение и два пропуска. Звездочки на погоны сами покупайте, форму выдадим. Впрочем, если не хотите, форму мы вам все равно выдадим. Ненадолго, на год всего. И без звездочек.

А парашют и все прочее – это уже дополнительно. Спецподготовка, особенности службы. Как и ручьи пота под противогазом, вонь реактивов и растворов, пыль командировок. Присягу давали? Устав читали? «Обязан стойко переносить...»

Хорошо хоть понятно, для чего все это. И без замполитов понятно. Помощнику командира по воспитательной работе лейтенант и сам мог бы многое объяснить. Если бы не две особенности. Первая – замполит не поймет и половины объяснений, вторая – неизвестно, есть ли у него, у воспитателя, трепача хренова, нужный допуск. Вполне возможно, что и нет. По крайней мере, ему о результатах работы лейтенант не докладывал.

А работы хватало. И действительно – по специальности, хотя и не совсем по той теме, которую взял в университете. Там он занимался отдаленными экологическими последствиями. Здесь – вскакивал среди ночи и летел туда, куда посылали. Выгружался из дюралевого брьюха, командовал, выполнял приказы.

Непонятные, невиданные в этих местах и возникшие без причины эпидемии. Старые склады с позабытой хозяевами гадостью, которая выползла из проржавевших стенок и начала убивать. Или калечить. Или сводить с ума. Зброшенные полигоны среди степей или верблюжьей колючки. Подземелья, в которых не различишь, где кончается бетон и начинается каменная шкура планеты. Острова, на которых не гнездятся птицы. Берег, заваленный десятками трупов тюленей. Дохлая рыба. Дохлые мыши. Оскаленные трупы собак и кошек. Вонь, которую не могут сдержать никакие фильтры. Красные лампочки приборов. Дегазация, дезинфекция, дезинсекция, дератизация, дезактивация...

Специальный отряд быстрого реагирования на то, что может придумать и сотворить человек. А также на то, что в ответ ему способно появиться в природе. Какой-то любитель фантастики предложил название – «сталкеры». Можно, конечно, назвать и так. В Чернобыле, говорят, так прозвали разведку, бегавшую по четвертому блоку. Можно назваться, но не стали. Посмотрели фильм – тот же любитель кассету раздобыл – и передумали.

А парашют нужно еще сложить. Не тщательно, стропа к стропе, складочка к складочке – для прыжка его переуложат потом. Просто сложить, чтобы поместился в большую пятнистую сумку и при этом не запутался и не перекрутился. Тоже, между прочим, уметь надо.

ГЛАВА 1

Вроде бы все готово. Вычерчено, расставлено, произнесено. В середине поляны – аккуратный круг с вписанным в него треугольником. Хорошо, что не потребовалась пентаграмма, ее чертить сложнее, а чуть ошибешься – и лучше не начинать. Канавки рисунка заполнены осиновым углем, выцарапанные в темной лесной земле письмена – тоже. Костерок дымит, свечи в пластиковых бутылках горят ровно, не задуло их. Тоже важно.

Все? Все. Время подходящее. Это маленькие дети считают, что лучшее время для магии – полночь. Дети, старушки и создатели «ужастиков». Для настоящего мага и полдень может оказаться самым лучшим часом. Или три часа дня. Все зависит от того, что именно вы хотите получить. Или кого. Сейчас посмотрим, что получится, и получится ли вообще. До сих пор найденная на пыльном чердаке тетрадка не врала, все выходило как следует. Но раньше были мелочи – головную боль снять, свечку погасить, глаза кому-нибудь отвести, чтобы внимание не обращал... На этот раз нужно соприкоснуться с другим миром. Жутко. Но если уж заниматься такими делами, то всерьез.

Девушка на поляне подняла руки и произнесла длинное, странно звучащее слово.

И ничего не произошло.

Густые русые брови недоуменно изогнулись, чуть сдвинулись к переносице. Странно. В чем ошибка? Надо еще раз попробовать. И меньше внимания самому слову, не в нем суть. Чувствовать надо, что делаешь, лучше чувствовать. Все зависит от самого мага, а не от ритуала – об этом она уже прочитала. Чуть ли не на первой странице. Значит, нужно повторить.

Девушка сосредоточилась, попробовала посмотреть на все окружающее не так, как это делают обычные люди. Все смотрят глазами на то, что на поверхности. А нужно – изнутри себя на самую суть. Некоторые советуют глядеть на мир уголками глаз. От этого мало что меняется. Восприятие важно, а не глаза... Вот, вроде бы получилось.

В воздухе повисли светящиеся зеленоватые нити. Такие же, но другого оттенка, змеились по земле, переплетались, чуть подрагивали. Самый большой клубок, как и положено, слабо светился в центре круга. Часть зеленых паутинок бессильно колыхалась, отрезанная поблескивающей полусферой, выросшей из осинового угля. Нити сцеплялись, пробовали найти опору. Две или три протянулись к девушке, та привычным, почти незаметным даже для нее самой внутренним усилием создала вокруг себя такой же зеркальный купол. Защита. От таких зеленых канальцев большого вреда нет, но чуть-чуть помешать в работе могут. Лучше без них обойтись.

Теперь еще раз – Слово, и вместе с ним – все силы на зеленоватый клубок. Дотянуться своей волей, дернуть – и резко разметать в стороны.

Для постороннего наблюдателя ничего не произошло и на этот раз. Для того, кто умеет видеть все по-настоящему – нити полыхнули красным, клубок разлетелся разноцветным фейерверком. Тяжкая волна, словно эхо взрыва, покатила по светящейся паутине от круга в лес, все дальше, дальше... Вернулась, заставив подпрыгнуть и заплесать даже самые толстые незримые канаты.

Не то, не то! Правда, в тетрадке не говорилось, как именно должен выглядеть результат, но на прорыв в иной мир, чем бы он ни был, происходящее мало походило. В середине треугольника – никого и ничего. Вообще после вспышки круг превратился в самое спокойное место поляны.

Натужно, страшно застонали деревья. Вроде бы ветра не было... А деревья шумят, скрипят, скрежещут. Одно взвизгнет – другое тут же охнет в ответ. Шелест какой-то в кустах. Земля подрагивает. И птицы, птицы – что они почувствовали?! Такой крик подняли, словно ко всем одновременно кошки в гнезда полезли!

Не кошки. И не в гнезда. Что-то ужалило в ногу. Еще раз. Еще, еще и еще. Крошечные лапки пробежались выше, за ними поспешили следующие. Девушка хлопнула себя по ноге, пригляделась... Муравьи! Десятки, сотни. Тысячи. Может быть, и десятки тысяч. Трава на поляне шуршала и колыхалась. Со всех сторон спешили маленькие упорные существа. Очень целеустремленно спешили. Кто является их целью – догадаться было несложно.

Скорее отсюда, скорее! Черт с ними, с вещами, с сумкой, с заветной и предательской тетрадкой! Из леса, в город, домой... На том месте, где минуту назад была тропинка, топорщился куст шиповника. В рост человека. За спиной тяжело ухнуло упавшее дерево, подскочило от удара. Взмахнуло напоследок раскидистыми ветвями. С довольным вздохом улеглось на второй тропе. Хорошая полянка, укромная, не видно ее за кустами и густым подлеском. Всего два прохода.

Скрип и шелест на мгновение исчезли, утонули в истошном визге. Визг сменился криком – отчаянным, бессловесным криком. Пронзительным звуком боли. Так кричит заяц, когда на его спине смыкаются зубы или в лапу попадает раскаленная дробина. Лес спокойно принял в себя новый звук, растворил его, разметал между стволов и ветвей.

Девушка прыгнула в середину круга, завертелась, пытаясь сбить с себя крошечных палачей. Ноги горели так, словно их по самые колени зарыли в раскаленные угли. На мгновение показалось, что магический рисунок способен защитить от безмолвного нашествия. Мураши суетились, бегали вдоль полосок золы, словно не решаясь ступить дальше. Неужели защита их удержит? Или...

Рыже-черная волна перекатилась через канавку, задержавшись на пару секунд, не больше. Но этих секунд хватило. Зола! Огонь! Все живое боится огня! Девушка схватилась за горящую веточку, вылезшую из костерка. Обожглась, чуть не выронила. Чиркнула пламенеющим кончиком по земле. Какой кислый запах... Еще раз, еще – и подгоревшая ветка обломилась. Трава не вспыхнет, лето сырое выдалось. Боль в ногах и обожженной руке куда-то отошла, только чувствуется, как жалят и жалят, все выше и чаще.

Что еще может гореть? Извиваясь, лихорадочно сдернула с себя легкую куртку, сунула в костерок. Упала на колени, не обращая внимания уже ни на что, кроме огненных пятен перед глазами. Подула. Первый язычок ухватился за рукав, нащупал сухую ткань. Лизнул жадно, вспыхнул, подтянулся повыше. За ним поспешили остальные. Девушка взмахнула курткой – огонь приугас, потом взялся за дело с новой силой.

Горящая куртка очертила еще один круг. В нескольких местах трава все-таки затлела. Не щадя ничего, хлестнула огнем по ногам – посыпались обуглившиеся тельца. Так их, так! Но одного рукава уже нет. Тошнит от кислой воню, и подгибаются обожженные ноги. Как глупо. Так не бывает, так никогда ни с кем не бывает. Словно в кино. Выключите же, выключите! Хватит!

– Ну ни хрена себе! Вот это доигралась!

На крик или визг сил уже не осталось. Девушка поперхнулась, закашлялась. Уставилась круглыми от ужаса и удущья глазами на долговязого парня. Откуда он взялся? Только что там никого не было, это точно. А главное, как прошел через эти кусты?! Не проломился, не протиснулся – просто появился на поляне, и все. Без треска, даже без шелеста.

Сначала ей даже показалось, что он вообще вырос из переплетения ветвей и листьев, отделился от них. В этом сошедшем с ума, бредовом, невозможном месте могут и кусты в людей превращаться. Нет, ничего подобного – просто пятнистая куртка. Маскировочная. В таких сейчас и военные ходят, и лесники... Лесник?! И он что, муравьев не замечает?!

– Тарас, Гриша! – голос долговязого не затерялся в лесу, а пошел перекашиваться гулким эхом. – Сюда давайте!

С двух сторон одновременно возникли такие же зеленые-пятнистые. Почти такие же – ростом они явно были пониже первого. И появились не так бесшумно – с шорохом и треском.

Негромким, но все-таки. То ли не такие опытные, то ли не до шорохов ей было, когда первый на поляну вышел.

Кстати, муравьи тоже обратили внимание на странных пришельцев. По крайней мере, поведение насекомых резко изменилось. Только что разъяренная лавина пыталась добраться до человека, шла по сгоревшим трупам сородичей – и вдруг поляна оказалась заполненной бес-толково суетящимися букашками. Десятка два еще бегали по ногам, щекотали спину и живот, но впиваться в тело явно не торопились.

Между тем пятнистые парни явно понимали в происходящем куда больше, чем девушка. И, в отличие от нее, знали, что нужно делать. Для начала все трое встали по углам пепельного треугольника – спинами к кругу. Развели руки в стороны, забормотали что-то непонятное. Девушка попробовала посмотреть на происходящее так, как до этого на переплетение зеленых нитей – куда там! Глаза обожгло сразу же. Она долго терла их, трясла потяжелевшей вдруг головой, пыталась хоть что-то разглядеть сквозь радужную круговерть. Бесполезно. Только слышалось бормотание – все громче и громче, но слов все равно не разобрать. Вроде бы что-то знакомое, и в то же время явно не по-русски. А вот шум леса изменился. Сначала умолк истощенный птичий ор. Потом и деревья начали успокаиваться. Все еще скрипели и скрежетали, но уже не так грозно. Словно гнев их выдохся, и осталось только раздражение.

– Уходим, пока все притихло!

Девушка узнала голос долговязого, повернулась к нему – и ноги все-таки не выдержали. Она упала на колени, вскрикнула от резкой боли, начала заваливаться на бок. С двух сторон ее сначала поддержали, потом подняли.

– Идти не можешь? – она помотала головой. – Тогда цепляйся за шею!

– Не вижу я ее, шею-то!

– На ощупь! – рявкнул долговязый. – Тарас, на руки! Уходим!

– Сумка! – вспомнила вдруг девушка. Рванулась. Сильные руки подхватили, подняли в воздух. Шея с шершавым воротом нашлась сама собой. По спине хлестнули ветки.

– Здесь твоя сумка, здесь. Муравьев сама вытряхивать будешь?

При воспоминании о муравьях девушка теснее прижалась к тому, кто ее нес. Замотала головой:

– Не буду, не буду, не буду! – и разрыдалась, уткнувшись носом в невидимое плечо.

* * *

– И как же вас зовут, сударыня? Да не трясись ты, не трясись! На сегодня самое страшное кончилось. Остался только я. Честное слово, девушками не питаюсь. Даже такими симпатичными. Так как нас звать?

– Т-таня...

– Вот и прекрасно. А теперь еще раз попробуй открыть глаза.

Попробовала. Получилось. Разноцветные искорки нет-нет да и проскакивали, под веками жгло, но смотреть можно было.

Комната. Низкий потолок. Полумрак. Зашторенные окна, через которые не пробиваются огоньки, как это чаще всего бывает в городе. Настольная лампа с низко опущенным абажуром. На подоконнике поблескивает самовар. Книжные полки. Комната как комната.

Хозяин. Серебристая шевелюра, пышные седые усы. Глубокие морщины, как трещины на коре старого дерева. Обветренное, бурое какое-то лицо. Лет шестьдесят, не меньше. Улыбается.

– Ну как, видишь что-нибудь? Меня вот видишь?

– Вижу.

– Ну, значит, будем знакомы. Олег Алексеевич. Как себя чувствуешь, ведьмочка? Ноги не болят?

– Н-не знаю... – девушка прислушалась к своим ощущениям. И в самом деле, почти все прошло! – Не болят, чешутся только.

– Вот и ладно. Будешь хорошо себя вести, познакомлю с доктором. Помнишь хоть, как тебя лечили?

– Нет, не помню. Совсем ничего не помню.

– Совсем? И поляну не помнишь?

Девушку передернуло. Да уж, такое точно не забудешь...

– Поляну помню... Олег Алексеевич, а вы кто?

– Ишь ты! Так ей все сразу и скажи! Я вот еще не разобрался, кто ты. Вот это, например – твое? – на стол рядом с лампой шлепнулась толстая растрепанная тетрадь в черном виниловом переплете. Та самая.

– Мое, то есть моя. То есть не совсем моя, я ее на чердаке нашла.

– Прочитала? Понравилось?

– Прочитала... Только там не все понятно.

– Еще бы! А теперь скажи мне, Таня – и где же этот чердак?

– У нас дома. Улица Кузнечная, четырнадцать.

– Давно нашла?

– Д-давно... В прошлом году...

– И с тех пор пытаешься все по ней делать? – Олег Алексеевич укоризненно покачал головой. – Быстро нынче у молодежи все получается. Быстро, да только не то, что надо бы.

– Ну что я сделала не так? – в глазах девушки блеснули слезы. – Что не так? Что вообще произошло? Какое вам до этого дело, в конце концов?

– В конце концов среди концов... Не обращай внимания, это я так, к слову вспомнилось. Какое дело, говоришь? Не было бы никакого – сейчас бы лежала ты рядом со своей тетрадкой среди леса, Таня, – из-под седых бровей неожиданно грозно сверкнули глаза. – Только тетрадке не больно было бы. Ее, как ты видишь, не тронули. Что не так... А чего ты вообще ожидала? Ну вот что тебя в лес понесло, а, горе ты луковое? Скажи спасибо – Михаил с ребятами неподалеку оказался. Что произошло? Лес ты разбудила своей народной самодеятельностью.

– Лес? А причем здесь лес?

– Вот-вот. Как всегда, – старик горестно вздохнул. – И при чем здесь лес? И какая вообще разница, есть лес или его нет? Степь, горы, город, собственная комната – ни малейшей разницы. Так, что ли? А потом мы делаем гадости и удивляемся – за что нас?!

– И какую же я гадость сделала? – обиделась девушка.

– Не знаю.

– Вот видите!

– Не перебивай старших! Пока еще не знаю. Ясно одно – изрядную. Девочка, хочешь – верь, хочешь – нет, но я видывал очень многое. И этот лес, кстати, тоже. Вот... Э, да что вспоминать! И выжигали, и травили, и такой черной магией занимались, что тебя кондрашкахватила бы на месте. От одного вида. Что только не делали – все было. Для него, для леса, человек – та же букашка. Когда вредная, когда полезная – смотря как себя ведет. Приходит, уходит, не всегда его лес и заметить успевает. А ты, значит, чем-то особо досадила. На моей памяти с этим лесом такого еще не случалось. И чтобы муравьи – вообще первый раз слышу. Деревья падали, бывает такое. Кружит на одном месте – это запросто. Тропинки меняет, иной раз болото под ноги подсунет...

– Олег Алексеевич... Простите, пожалуйста, что перебиваю... Вы так говорите, словно у леса руки есть.

– А зачем ему руки? – удивился старик. – Ты микробов руками ловишь? Или от простуды тебя руки печат? Вообще, Татьяна, ты сколько классов закончила?

– Одиннадцать.

– Сейчас где-нибудь учишься?

– Поступаю. В университет, на филологический.

– Понятно, – Олег Алексеевич хмыкнул в усы. – Гуманитарий, значит. От слова «хомо» – что от человека, то и главное. Остальное, так сказать, дано роду людскому во владение на веки вечные. А по биологии сколько в аттестате стоит?

– Пятерка.

– Ну, тогда напрягай память. Биогеоценозы, экосистемы и все прочее учили? Должны были, должны. Так вот, гуманитарий, лес – тоже организм. Точнее – надорганизменная система, – это словосочетание старик произнес с таким видом, как будто пирог откусывал. Сладкий, душистый, с румяной корочкой. – То есть стоящая над всеми организмами в нем. Посему против тебя все сразу и ополчилось. Муравьи – они как раз по вредителям ба-альшие специалисты. А куст передвинуть – дело несложное. Но люди этого не умеют, разве что лопатой или бульдозером.

– А вы можете? Без лопаты.

– Почему бы нет? – пожал плечами Олег Алексеевич. – Если понадобится – смогу. Только лесу виднее, где у него что должно стоять. Так что без крайней надобности лучше не лезть. Да и тогда – с опаской и вежливо. Иначе будешь пытаться не один куст сдвинуть, а весь лес. Со всеми корнями и сучьями. Это, согласись, и бульдозеру не под силу.

– Так что же вы говорите: «Люди этого не могут»? – Девушка торжествовала. Пусть крохотная, но все-таки победа.

– Ты меня на слове не лови. Сказал – не могут, значит, не могут.

– А как же вы? Вы что, не человек?

– Нет, не человек.

Сказано это было скучно, чуть ли не со вздохом. Буднично. Даже с каким-то сожалением. Так говорят о вставных зубах или квартире на первом этаже. Подумаешь, эка невидаль... От этого будничного тона почему-то спина словно инеем покрылась.

– Ну, и что ты так смотришь? Не бойся, рогов, копыт и хвоста не наблюдается. Крылышек, впрочем, тоже. Какие там крылышки, – Олег Алексеевич все-таки вздохнул. – Ну хорошо, не пугайся так. Человек, но не совсем. Точнее, не только человек.

– А... кто?

– Долгая история, а уже, между прочим, поздно. Родители, небось, беспокоятся.

– Нет, не беспокоятся. Я не с ними живу, с бабушкой. А ей сказала, что у подружки заночую. Я же собиралась до полуночи в лесу остаться.

– Лихо! – покачал головой старик. – До полуночи, значит... А потом? Ночи нынче холодные, транспорт не ходит.

– Потом к подружке пошла бы, – Таня пожала плечами. – Она сегодня в больнице дежурит, у нее переночевать можно. Мы договорились.

– У подружки, значит. В больнице. В которой именно?

– В областной.

– Три... Стоп, даже четыре с гаком километра по ночному лесу. Плюс километр по дороге, плюс пара кварталов окраины. Итого часа полтора-два. Да еще, помнится, охрана в больнице довольно строгая. Впрочем, охрана – это уже дело второе, для слабого пола в особенности. И не страшно было бы после полуночи через лес идти?

– А чего там бояться? – удивилась девушка. – Волков нет, людей в такое время – тоже. Разве что по окраине, да и то – во втором часу все «гоблины» уже спят.

– Действительно, все так просто... Ты, значит, всю тетрадку прочитала? – неожиданно переменял тему Олег Алексеевич.

– Всю.

– И чему научилась?

– Н-ну... Каналы видеть, энергетические. Защиты ставить – стенку, зеркальный купол. Боль руками пробовала снимать, но не всегда получалось. Несколько раз пробовала глаза отводить, однажды получилось, – при этих словах одна бровь Олега Алексеевича поползла вверх. – А что в этом такого?

– Да нет, ничего особенного. Что еще? Нечисть видеть не научилась?

– Не знаю. Ни разу не видела. То есть что-то иногда замечала, но нечисть или нет – не знаю. Мутные пятна.

– Так, с этим ясно. Еще один вопрос – насчет проклятых мест и тому подобного прочитала?

– Прочитала, конечно.

– Видела?

– Нет, не случилось, – в голосе девушки послышалось сожаление.

– А могла бы. Не вблизи, но тебе хватило бы. Если бы из лесу пошла после полуночи.

– Это где же?!

– Ишь, как глаза загорелись! Интересно, правда? Интереснее муравьев, это точно. Особенно по ночам. В среднем с полуночи до трех, в новолуния – в особенности забавно. На будущее – оттуда тебя вытаскивать не стали бы. Тем более что к лесу оно уже не относится.

– Вы что, только лес караулите?

– Караулим... Лес, как ты заметила, сам себя прекрасно укараулит. Запросто. Тебе сильно повезло, что Миша с ребятами рядом оказались. Отдыхали они, да твою суету заметили. А когда лес просыпаться начал, решили вытащить и выяснить, кто это хулиганит и каким именно образом.

– А на том месте?

– Что – на том месте? Там все ясно и понятно. Как ты заметила, нормальные люди по ночам дома сидят. Дежурить там в это время желающих нет и не будет. Если уж кто-то сдуру попал – его проблемы.

– И что с такими бывает?

– Ты четыре года назад в городе была?

– Во время эпидемии?

– Эпидемия... Помнишь, что тогда с людьми было?

– По-омню... – любопытство куда-то исчезло из девичьих глаз. Страх там был. Ужас, старательно запрятанный в самый дальний уголок и вдруг вынырнувший. – Так это все было из-за того самого места?

– Почти, – глаза Олега Алексеевича тоже приугасли. Отвечал он вяло, нехотя. – Вообще-то чуть ли не полгорода об этом знает. Или по крайней мере слышало. Особенно такие, вроде тебя, любители самостоятельности. Вот они туда время от времени и лазят. Для полного подтверждения кое-чьих теорий. А некоторых, говорят, просто притягивает. Идут мимо и вдруг сворачивают. Так что муравьям ты еще спасибо скажи.

– И что бывает? Неужели то же самое?

– Хочешь проверить? – старик криво усмехнулся. – То же, то же. С маленькой поправкой – выздороветь труднее.

– Так почему же... Почему вы это не прекратите, если знаете?! Если все так страшно?!

– А с какой стати мы должны это прекращать?

– Но ведь люди...

– Именно, – ледяным голосом отозвался Олег Алексеевич. – Люди. Напомнить? В любом случае – мы не благотворительная организация. Не Армия Спасения, не миротворческие силы ООН. Ты в лесу набедокурила – это нас касается. Впрочем, в лесу, в степи, на речке – разница небольшая. А тетрадочку твою, – морщинистая ладонь хлопнула по черному переплету, – тоже люди написали. И местечко на холмах – не наша работа. Ни я, ни, скажем, тот же Михаил, даже спьяну к нему ночью не сунется. И днем – тоже, разве что очень уж нужно будет. Ты знаешь, что даже вороны на то место не садятся? И обычный человек стороной обойдет.

– А кто туда попадает?

– Я же говорю – любители. Те, кто все на зуб пытается попробовать, как щенок мыло. Ума не набрались, ни с кем не посоветуются, а где-то взыграло. Ты вон тоже в одиночку с тетрадкой возилась. Так или нет?

– Так.

– И при этом себя считала не такой, как все. Исключительной. Выше остальных. Только тебе такое счастье, такие возможности – ну, может, и не только тебе, но ты точно среди избранных, а все остальные серые и скучные. Было такое на уме?

– Было, – девушка опустила голову. – Как вы догадались?

– Догадался? Да при чем здесь догадки! Все через это проходят, кого сразу другому не учат. Все! Только некоторые умнеют, а остальные так и ходят дураками. Исключительными дурнями, тут уж не поспоришь, исключительными.

– А вы? – Таня вскинула голову. – Вы ведь себя тоже человеком не считаете! Тоже – выше, или нет?!

– Нет, – спокойно ответил Олег Алексеевич. – Не выше. Просто другие. Не выше и не ниже. На том же этаже, и даже вход из того же подъезда. Соседи, одним словом.

– И что, давно соседствуете? И люди вас не замечают? – девушка обиделась и разгорячилась. Как-то забылось и то, где она сидит, и как она сюда попала. Вообще все, кроме обиды. – Или вы так хорошо прячетесь?

– Почему же, замечают, – все так же спокойно сказал старик. – Не первую тысячу лет замечают. Сейчас, слава богу, меньше, а было время – всерьез заметили соседей. Почти удалось выселить, да вот мы умудрились остаться.

– И как же вас называть?

– Обычно нас называли Древним Народом. Теперь мы и сами себя так называем. Можешь попросту – Древние, это тоже принято.

– Ну вас-то ладно, можно и так назвать, – Татьяну словно прорвало. Не нужно бы сейчас этого ехидства, но она ничего с собой поделывать не могла. Такой уж характер. – А Михаил ваш с его ребятами – тоже древние? Не похожи, если честно.

– Древние, можешь не сомневаться. Лет им, конечно, поменьше, чем мне, но нашей крови в них более чем достаточно. В тебе, если я не ошибаюсь, тоже. Иначе у тебя просто ничего не получилось бы. Точнее, получилось, но не то. Ты хоть знаешь, что это за тетрадь?

– Хотите сказать – тоже кто-то из ваших написал?

– Не хочу, – в голосе хозяина комнаты отчетливо лязгнул металл, и девушка прикусила язык. Буквально. И больно. – Написано явно человеком. И для людей. Для таких вот любителей, как ты. Только не для того, чтобы всех и каждого научить и силу даром раздать. Не надейся. Верхнее зрение, отвод глаз – это мелочи. А дальше – каждому свое. Кого-то будут учить, кого-то просто используют.

– Как... используют?

– По-разному. В лучшем случае – на побегушках, деньги добывать и так далее. В услужении. Быдло – именно так они своих слуг называют.

– Кто – «они»? И что – в худшем случае?!

– В худшем – в жертву принесут, – Олег Алексеевич недобро прищурил глаза. – Догадалась, кто? Люди, Таня, люди. Это мы – нелюди. Не-люди. А тетрадочку написали люди. С самой что ни на есть человеческой душой. Если она у них еще осталась, эта душа...

– Так почему же на меня эта... это не подействовало.

– Уже начало действовать, – уточнил старик. – Чему-то ты научилась, верно? И дальше учиться хотела, так ведь? А дальше – сбой. Может быть, я и ошибаюсь, но скорее всего системка эта промахнулась именно на твоей Древней Крови. Наши способности наложились на человеческую науку. В результате чего ты и умудрилась лес разбудить. Вместо чего – этого я еще не понял. Впрочем, тут не мне разбираться нужно, на это специалисты есть. Ведуны.

– А вы – кто? Колдун?

– Да ну тебя! – отмахнулся Олег Алексеевич. – Скажет тоже – колдун! Просто старик. Чуть дольше пожил, чуть больше увидел. Преимущества возраста, знаешь ли. Вот молодежь и идет со всем непонятным. Тебя вот притащили. Забавный экземпляр, правда? Ну, ну, не обижайся, это я шучу так. Но случай действительно интересный. Так что, будем специалиста приглашать? Или отпустим тебя домой и больше не встретимся?

– Будем, – слабо улыбнулась Таня. – Мне и самой интересно стало, что я за... экземпляр.

* * *

Почему-то Татьяне казалось, что обещанный странным стариком «специалист» непременно должен быть таким же седым. Да еще и косматым-бородатым в придачу. Этаким волхвотшельник, как у Пушкина. Не боящийся владык и княжеского гнева, с пронзительными глазами и посохом в руке. Ведун, ведун... Было что-то в этом слове... странное, что ли? Обычно современные маги и кудесники называют себя колдунами, придумывают себе различные степени посвящения и дипломы международных центров. Не поленилась, пошла в библиотеку. Все, что удалось найти – строчка словарика в конце какой-то атеистически-разоблачительной книги: «Ведовство – мелкое вредоносное колдовство».

Странно. Ведун – от слова «ведать», знать. При этом знахари – отдельно, и с ними как раз все понятно. А чем занимаются специалисты-ведуны? Что знают или о чем выведывают? Судя по уважительному тону Олега Алексеевича, о мелочности и вредоносности речь не идет. Как раз наоборот. И колдуны – тоже не то, вон как старик руками замахал... Ладно, поживем – увидим.

Наконец в почтовом ящике забелел конверт. Вместо обратного адреса стояли две аккуратные буковки «О.А.» и замысловатая закорючка, которую можно было принять за подпись. Но где-то Татьяна такой завиток уже видела. Вертится в голове заветная тетрадка, письмена в ней... Нету тетрадки. Отняли и не вернули. Знать бы – хоть переписала. И ведь думала, но все времени не хватало, все другие дела находились. Теперь и заглянуть некуда, узнать, что бы это значило.

Хорошо, что письмо оказалось написано по-русски. Без всяких иероглифов. Четко и коротко – куда приходить, когда, что брать. «Возможно, потребуется задержаться на два-три дня. Письмо сожги». М-да... А потом найдут девочку Таню в каком-нибудь овражке. Впрочем, вряд ли. Это старик со своей компанией могли бы и раньше устроить. Без долгих разговоров. Бр-р-р... Девушку передернуло, когда в памяти всплыла полянка с кишашими на ней муравьями. Там бы и девочку не нашли. Один скелет, да и тот нашлось бы кому по кустам растащить.

Ладно. Посмотрим, что там впереди, увидим, куда повезут, узнаем, кто такие ведуны. А теперь надо найти предлог, чтобы исчезнуть на три дня из дома. Подругой тут не отговоришься...

ГЛАВА 2

Поездка к специалисту началась скучно. Буднично. Переполненная электричка, ведра и лопаты дачников, тетки какие-то по ногам прошлись. Духота, давка. Сразу Цой вспомнился: «Электричка везет меня туда, куда я не хочу...» Тут самой поездки достаточно, чтобы не захотеть куда-нибудь ехать. Интересно, а иначе к этому ведуну нельзя было добраться?

– Терпи, – обернулся Олег Алексеевич. – Скоро полегче станет.

Мысли он читает, что ли?! Татьяна попробовала подумать о чем-то постороннем. Вот, например, о пейзаже за окном. В эти места она раньше не выбиралась. Вообще-то на дачах у знакомых бывала, в деревне у родственников гостила – но все почему-то в другую сторону. И не так далеко от города.

Толпа в вагоне стала постепенно редеть. Татьяне показалось, что даже колеса теперь стучали иначе. Облегченно. Дачи кончились, дачники исчезли. А перед каким-то райцентром удалось даже сесть – народ потянулся к выходу, и Татьяна тут же заметила местечко у окна. Напротив с шумом устроился загадочный старик, не причисляющий себя к людям. Полез в белесую от времени котомку – настолько древнюю, что рюкзаком назвать не было никакой возможности. Язык не поворачивался. В голову лезло где-то вычитанное слово «сидор».

– Не голодная? Ну, смотри, как хочешь. Нам еще больше часа ехать, да и там идти не два шага. Так что я, пожалуй, маленько перекушу.

На коленях разместились газетка, сверху лег российский набор путешественника: вареные вкрутую яйца, пара огурцов, помятый помидор. В спичечном коробке у запасливого деда оказалась соль – крупная, коричневая какая-то.

– Ты бы не стеснялась, перекусила. А то потом попросишь, да некогда будет. Так что, присоединяешься?

– Спасибо, не хочется.

– Ну смотри, наше дело предложить, – Олег Алексеевич захрустел огурцом. Татьяна отвернулась и снова принялась разглядывать плоские холмы и перелески, зеленым ворсом выпирающие из оврагов.

Через несколько минут хруст сменился тихим бульканьем. Девушка скосила глаза – неужели водка? Заранее поморщилась.

Нет, все-таки не водка. Чай, с каким-то буро-зеленоватым оттенком. По вагону поплыли ароматы не то степи, не то нагретой солнцем лесной поляны.

– На-ка, хлебни, – старик протягивал небольшой алюминиевый стаканчик с облупившейся краской. Станный стаканчик, необычный. – Такого ты точно не пробовала. Не бойся, не отравя.

Татьяна поколебалась несколько секунд – пить или не пить, вот в чем теперь вопрос? Неизвестно, что за зелье... Потом все-таки решилась. Взяла теплый стаканчик, отхлебнула осторожно.

Одновременно обожгло глотку и зашипало в носу. При всем при том спирта не чувствовалось совершенно. Пряная горечь, какой-то терпкий привкус. Закружилась голова, на глаза навернулись слезы.

– Ну как? – донесся из радужного тумана веселый голос. – Пробирает, а?

– Еще... как... – не выдержала, закашлялась. Минуты через две-три удалось отдышаться. – Это что?

– Чаек, – с самым невинным видом ответил Олег Алексеевич. – Травяной чай. Чабрец, душица, ежевичный лист, чуть-чуть полыни, еще кое-что по трети щепотки. Очень полезно для здоровья.

– Да уж!

– Ты подожди немного, скоро сама почувствуешь, – старик снова плеснул в стаканчик, выпил. Татьяну передернуло – ладно бы залпом! Понемногу, маленькими глотками, смаковать такую дрянь – так и вправду согласишься, что это не человек напротив тебя сидит... Люди такое не могут пить. По крайней мере – с удовольствием.

– Ну, хорошенького понемножку. Потом еще хлебнем.

Хотела возразить, но взгляд задержался на фляжке. Таких Татьяна тоже раньше не видела. В сером суконном чехле, с узким, похожим на бутылочное горлышком и мелкой резьбой на пробке. Стаканчик, оказывается, надевался сверху на горлышко и пробку, как крышка.

– Интересуешься? – Олег Алексеевич приподнял флягу. – Не видела раньше? Немецкая, трофей.

– А вы воевали?

– Воевал. Можно сказать, от звонка до звонка – начал в сорок первом на Украине, а закончил в Восточной Пруссии. Что, молодо выгляжу?

– Я думала, вы... Вам больше шестидесяти не дашь, – призналась Татьяна.

– Хе, шестьдесят! – старик лихо пригладил усы. – В шестьдесят, сударыня, я был вообще кавалер хоть куда. Пожалуй, даже рискнул бы ухаживать за такой симпатичной девчушкой. А сейчас – увы, увы! Возраст сказывается, проклятый, никуда от него не убежишь.

– Так сколько же вам?

– Ну-у, это просто неприлично, так вот в лоб спрашивать. Я уж и сам забыл. Дай-ка вспомню... За девяносто, это точно.

– Не может быть!

– Не веришь – зачем тогда спрашивать? – обиделся Олег Алексеевич. – Я в сорок первом старшим политруком был. По нынешним временам – офицерское звание, да и не первый и не второй год служил. Вот и посчитай сама.

– Все равно как-то странно. Как же вам удается?

– А мне не удастся. У меня получается. В том числе и вот таким способом, – фляжка утвердительно булькнула. – Плюс к этому я тебе уже говорил, кто мы такие. Ладно, приедем, поболтаем – потом, может быть, сама согласишься, без моих аргументов и фактов. А я сейчас фляжечку обратно уберу и вздремну чуток. Ты меня через час разбуди, не позже, а то проспим свою остановку.

Старик и в самом деле откинулся на спинку сидения и прикрыл глаза. Надо же – девяносто лет... Конечно, живут и больше: Татьяне вспомнилась статья о каком-то кавказском долгожителе, родившемся во времена Наполеона, а умершем при Брежневле. Но одно дело – Кавказ, а другое – Желтогорск с его химией и прочими радостями. Или действительно все дело в травах?

Станный чай, похоже, действовал и на нее. Например, обострился слух. Кроме стука колес и поскрипывания вагона, появилось много новых звуков. Тонкое посвистывание где-то над головой. Станный шелест в самом вагоне – через несколько минут Татьяна догадалась, что слышит дыхание нескольких десятков людей. Бормотание приемника у сидящего через три сидения парня стало отчетливым. Словно к уху поднесла.

Это, правда, не радовало: шла какая-то «игра со слушателями» где самому-самому умному любителю попсы предлагалось фальшиво спеть очередной хит и получить майку и ящик «пепси-колы»... Был бы приемник рядом, переключила бы. Или вообще вырубил. А этот придурок еще и подвывает радостно, словно его сейчас этой «пепси» поить будут. Нет уж, что бы там старик не говорил, а черная тетрадка права. Есть обыватели, и есть те, кому серость поперек горла стоит. Впрочем, обывателей серость тоже раздражает.

Особенно наличие у кого бы то ни было серого вещества в голове. В количестве большем, чем необходимо для просмотра сериалов и поглощения пепсово-попсовой бурды.

Татьяна обернулась, чтобы посмотреть на хозяина приемника. Ого, а чаек-то у старика совсем не простой! Паренька она увидела. Но не просто увидела. Над коротко стриженной

макушкой колыхалось зеленоватое сияние с редкими синеватыми искрами. Через несколько мгновений подобные нимбы начали проявляться и вокруг других пассажиров. Разных цветов – вон у той бабки, например, ярко-алый, дрожащий... А у девчонки возле соседнего окна – желтый с фиолетовым... Ничего себе! Без всякой концентрации, без напряжения, вот так просто разглядывать ауру – о таком Татьяна не слышала. И не читала, надо признаться. В тетрадочке, наоборот, говорилось о необходимости усилий для такого вот зрения. Чай с травками, значит... Интересно, а у самого старика какая аура?

Никакой не оказалось. Вообще никакой. Он что, помер?! Нет, дыхание вроде бы слышно. И веки подрагивают. Может, из-за того, что спит? Вряд ли – вон там мужичок-забулдыга храпит вовсю, а над ним целый костер полыхает. Так это что же получается – старичок и в самом деле... не человек?! Нежить какая-нибудь?! Мамочка, куда я еду, с кем я связалась!

Едкий холодный пот начал разъедать глаза. Татьяна смахнула его, перевела дыхание. Ну-ка, не паникуй. Попробуй присмотреться повнимательнее. С концентрацией, как обычно. Может, на него просто действие чая не распространяется. Мера предосторожности, так сказать. Вдо-ох, вы-ыдо-о-ох, посмотрим внутри себя и через себя...

Олег Алексеевич приоткрыл один глаз. Посмотрел насмешливо, погрозил пальцем и снова задремал. Или сделал вид, что дремлет. При этом никакая аура так и не появилась. Мда, как хочешь, так и понимай. Например, так, что он просто не показывает себя. Спрятался. И при этом, значит, еще и чувствует, когда его разглядывают. Ну хорошо, больше не буду. Полюбуюсь видом из окошка. Тоже интересно, особенно с учетом новых особенностей зрения. Надо пользоваться, пока есть. Вопрос – это теперь навсегда? А если нет – то когда действие этого чая закончится?

– Следующая остановка... – название утонуло в хрипении динамика и шипении закрывающихся дверей.

– Что ж ты меня не будишь, а?! Чуть не зевнули! Замечталась?

– Задумалась...

– Это полезно, не спорю. Особенно когда вовремя. А теперь – хватай пожитки, и в тамбур!

Нам на следующей высказывать, там только минуту стоять будем.

– А что за станция?

– Не станция. Остановочный пункт, платформа в чистом поле, –

Олег Алексеевич подхватил свой «сидор», выбрался в проход. –

Давай быстрее, а то восемь кэ-мэ по шпалам обратно топать придется.

Вышли в грохочущий тамбур, немного постояли. Состав чуть заметно тряхнуло, деревья и столбы за побитым стеклом мелькали все реже и медленнее. Тряхнуло посильнее, закрипело, заскрежетало.

– Кхря... – донеслось из вагона, и тут же засвистели и чмокнули двери. Действительно, платформа. Причем почему-то гораздо ниже последней ступеньки.

– Не зевай, вперед! – сзади чувствительно подтолкнули. – Что стоишь, прыгай!

Пришлось прыгать. За спиной тут же тяжело ухнуло. Татьяну повело в сторону, она взмахнула руками, успев испугаться – упасть бы на платформу, не слететь под поезд! Падать и лететь не пришлось, чья-то сильная рука поймала за локоть. Придержала.

– Эх, молодежь! Ну ладно, если бы меня ноги не держали, мне уже положено...

Хлопнули закрывшиеся двери электрички. Состав лязгнул, дернулся и тронулся с места. Колеса ворчали, словно соглашались с занудным стариком. Обидно – деду девяносто лет, а прыгает, как молодой... даже лучше. Хотя в его возрасте положено острожно выбирать. С палочкой, опираясь на руку внучки. Или даже правнучки.

Татьяна огляделась. «Чистое поле» оказалось скорее «дремучим лесом». Ну, не совсем дремучим, но явно побольше придорожной посадки. От платформы в лес убегали две тропинки. С другой стороны дороги к пути подходила битая-перебитая колея с торчащим посере-

дине узловатым корнем. Вдоль растрескавшейся асфальтовой полосы тянулись столбики в рост человека, когда-то покрашенные белой краской. Очень давно покрашенные. Скорее всего, еще до рождения Татьяны. Над противоположной платформой такие же столбики поддерживали проржавевший железный лист, на котором среди процарапанной и намалеванной похабщины и признаний в любви можно было разобрать большие выцветшие буквы: «...О...ВКА»

– Где это мы?

– В соседней области. Добро пожаловать в Черноземье! – старик закинул котомку за спину и направился к одной из тропинок. Оглянулся, приглашающе махнул рукой. – Чего стоишь? Нам сюда!

– В лес?! – почему-то Татьяна не могла себя заставить сдвинуться с места. Больше всего ей сейчас хотелось не разбираться в себе, в тайнах мироздания или древних стариков. Хотелось просто перейти через стальные полосы на другую сторону и дожидаться обратной электрички. Когда бы она ни пришла – через час, утром, через день, хоть через неделю. Лучше тут в землю врасти, чем идти под деревьями... которые падают... и под которыми наверняка полно муравьев!!!

– В лес, в лес! – рассмеялся Олег Алексеевич. – Да не бойся ты! Во-первых, это не тот лес, во-вторых, ты сюда не колдовать приехала. А в-третьих... В-третьих, ты идешь со мной. Ну что, за руку взять и вести?

– Н-не надо, я сама.

Странно, но ей удалось шагнуть к краю платформы. Потом еще раз. И еще. Сойти с асфальта на пыльные листья подорожника. Сделать еще один шаг навстречу протянутой руке.

– Вот и умница! Давай, давай, левой, теперь правой! Не падаешь? Никто тебя не кусает? Тогда потопали дальше. Тебе как лучше – чтобы я впереди шел или чтобы сзади придерживал?

– Лучше впереди...

– Понятно, чтобы спину видеть. Ну, тогда не отставай. Я постараюсь не сильно разгоняться, но и ты не стесняйся. Устанешь – скажи, привал сделаем. Можешь быстрее – тоже говори, прибавим шаг.

– А долго нам идти?

– Моим ходом – час с небольшим, твоим – пока не знаю. Ну, пошли. Раньше выйдем – раньше придем. Ты, главное, ничего не бойся, тут все свои. Весь лес со всеми обитателями.

Тропинка завела под деревья и почти сразу же начала извиваться и петлять. Почему-то местным жителям не нравилось ходить напрямую. То ли не интересно, то ли трудно сотню метров прогуляться, никуда не свернув и не отклонившись. Минут через двадцать Татьяна уже не могла понять, удаляются они от железной дороги, идут вдоль нее или кружатся на одном месте. Тем более что время от времени точно такие же тропинки примыкали сбоку, пересекали путь или вообще тянулись рядом в каком-нибудь десятке шагов, за низкими кустами. Лабиринт, да и только!

– Олег Алексеевич, мы тут не заблудимся?

Старик не обернулся, только хмыкнул. Через минуту все-таки решил ответить. Все так же, не оборачиваясь, словно с листвою говорил.

– Ну как тут заблудиться? Сама посмотри, тут разве что указатели не развешаны!

Посмотрела. Сначала ничего особенного не увидела – лес как лес... Постой, а это что? Знакомые зеленоватые нити свободно переплетались между деревьями, колыхались в воздухе – повсюду, кроме этой самой тропинки. Словно коридор. Или даже галерея,

ажурная, как в старинных парках. Если бы не слабое свечение, вполне можно было принять невидимые паутинки за кованую-литую-резную решетку. Странную, но по-своему красивую. Даже узор какой-то проглядывает, причем время от времени повторяющийся. Тропинка, выходит, совсем не простая. Интересно, кто ее сделал? Древний Народ? В него до сих пор

верилось слабо. Однако вот она, сеточка-ограда – протяни руку... Хотя лучше не надо. Кто ее знает, как отзовется. Или все-таки попробовать?

Глянула на седой затылок – вроде бы старик шагает спокойно, оборачиваться не собирается. Украдкой протянула руку к висящей в воздухе сетке, потянулась...

И тут же отскочила с визгом, налетела на спину с котомкой, чуть с ног не сбила. С размаха села на тропинку. Из куста на нее смотрели два темных блестящих глаза. Потом ветки затрепщали, раздвинулись. Высунулся темный, шевелящийся обрубок с двумя присвистывающими отверстиями. По краям обрубка топорщились какие-то желтоватые изогнутые сучья, грозно поблескивали острыми кончиками. От ужаса Татьяна зажмурилась. Странно – зеленоватую сетку можно было различить даже сквозь веки. А еще – смутное коричнево-голубое пятно на том месте, где полагалось быть страшному гостю. По пятну метались желтые и багровые сполухи.

– Ну и чего визжать? Кабана никогда не видела, что ли?

Татьяна мотнула головой, не раскрывая глаз. «Чего визжать?»! Кабан! Здоровенный кабан! Рыло чуть ли не с тарелку размером! А эти острые сучья – это, значит, клыки. Те самые, одним движением волка вспарывающие. Где-то она читала, что с матерыми кабанами даже медведь и тигр не всегда рискуют связываться. Интересно, старик об этом слышал или нет?

– Эй, красна девица! – по плечу похлопали. – Глаза-то открой! Или мне тебя дальше под руки вести? Так в этом случае мы до ночи идти будем. Борька, отстань!

В лицо фыркнули, обдали горячим дыханием. Ф-фу, какая вонь! Приоткрыла один глаз, увидела бурую шерсть и желто-белесый клык, опять зажмурилась. Значит, дед с кабаном знаком? Вот пусть и разбирается. Только где-нибудь подальше.

– Отстань, говорю! Вот же скотина упрямая! – раздался громкий шлепок, кабан ответил радостным «Хрю!» – Танька, не спи! Выломай прутик, помоги эту свинью отогнать! Отстань, не для тебя припасено!

– А вы его колдовством отгоните. Как ваши ребята тогда муравьев разогнали, – посоветовала девушка, не открывая глаз.

– Иди ты!.. Это ж здешнего лесника кабан! Меня Филиппов потом по всему лесу гонять будет! Борька, тварь, не рви!!! Ну ладно, ладно, угощу, зараза ты копытная!

Похоже, ситуация складывалась скорее смешная, чем страшная. Можно и посмотреть.

Кабан действительно был здоровенный, но не такой уж и огромный. Вот уж действительно – у страха глаза велики! И пяточок у него не с тарелку. Самое большее – с блюдце. Симпатичный такой пяточок, жадно тянущийся к уже развязанной котомке. Короткий хвостик мотался туда-сюда. Было в нем что-то от флагов на трибунах стадиона. Похоже, только что был забит победный мяч. А вот и он – красный, помятый... свинье все равно. За помидором последовал огурец. Последним пунктом собираемой с прохожих пошрины значилась краюха черного хлеба, густо посыпанная солью.

– Видела? Хуже гайшника, ей-богу! Пограничник, блин! И вот ведь свинья какая: как один иду – хрюкнет, поздоровается и дальше бежит. Если с кем-нибудь из наших – то же самое. А чуть кого чужого веду – вот такое представление, причем не с кого-нибудь мзду берет, а с меня же! Борька, у тебя совесть есть?

Сквозь чавканье секач проворчал что-то утвердительное.

– Ладно, плату содрал, мы дальше пошли. К хозяину иди! Домой, домой!

Кабан дожевал краюху, оценивающе посмотрел на котомку. Потом тяжело вздохнул и с треском исчез в кустах. Зашуршала прошлогодняя листва, тяжело и быстро простучали копыта. Снова затрепщало, но уже в отдалении.

– Помчался докладывать, – Олег Алексеевич подкинул «сидор» в руке, словно оценивая размер ущерба. – Полицай, а не кабан! Ладно, мы тоже пойдем. На ходу поговорим.

– Слушайте, неужели он действительно такой умный? И все понимает? Как его вообще удалось приручить?

– Да никто его не приручал особенно. В голодную зиму приبلудился, подсвинком еще, так и бегаёт, где хочет. Что он понимает, а что нет, я не знаю. Вот начёт пожрать – это да, это он гений. А вообще-то свиньи не намного глупее собак, наверное. Особенно дикие. Борька несколько слов точно выучил, а все остальное, шельмец, по тону и по виду угадывает.

– А почему вы сказали: «Побежал докладываться»? Лесник его что, по хрюканью понимает? Или тоже по виду?

– Да кто его знает, лесника... И по тому, и по другому, и чутьем. Борька у него вместо собаки. Хотя, честно сказать, Филиппов и так знает, что мы в лес вошли. Стой! – старик замер и предостерегающе вскинул руку.

– Что случилось?

– Замри, дай послушать!

Девушка замолчала, сама попробовала прислушаться к лесным звукам. Ничего особенного – слабый шум деревьев, птицы звенят, кто-то мелкий в кустах шуршит. А слух, между прочим, после «чая» обострился. Так что же такого дед услышал? Или птицы для него как-то не так поют?

– Можешь дышать и даже говорить, – Олег Алексеевич опустил руку, почему-то вздохнул. – Считаю, повезло тебе. На полпути встречаются. Идти, конечно, все равно придется, но хоть не ждать.

– Чего ждать? Кто встречает? – не поняла Татьяна.

– Как кто? – удивился дед. Седые брови возмущенно полезли на лоб. – А к кому ты вообще идешь?

– К специалисту какому-то. К ведуну.

– Вот он и встретит. Да ты прислушайся, прислушайся! Неужто не слышишь? Ну тогда землю послушай, по ней дальше слышать.

Прижиматься ухом к тропинке не пришлось. К лесным голосам добавился новый звук – быстрые глухие удары. Словно толчки сердца. Торопится сердечко, скачет... Скачет?!

Удары все ближе, все отчетливее. Точно, скачет кто-то. На лошади. Даже слышно, как тихо звякнула сбруя – или что там может бряцать металлом у всадника? А вот и он сам появился.

Сначала Татьяна смотрела только на коня. Вороной, изящный, как-то особенно поблескивающий в пробивающихся сквозь лесной полог солнечных лучах. Увидел чужих, мотнул недовольно головой – опять этот тихий лязг. Большой темный глаз скосился подозрительно, конь принюхался, фыркнул. Настороженные уши приладила широкая ладонь.

– Ну, ну, Гривна, не шуми. Олега не узнала? Свои, свои, хоро-ошая моя.

Почему-то девушка почувствовала легкую досаду. Разочарование какое-то. Оказывается, это не конь – кобыла! Было в этом что-то... не такое романтическое, что ли? Подняла взгляд, посмотрела на всадника – расстроилась еще больше. И это – тот самый специалист? Мудрец-ведун, знающий куда больше странного старика Олега Алексеевича? Мужик как мужик. Лет тридцати, не больше. Парни в лесу – и те смотрелись круче: подтянутые, в пятнистых комбинезонах – или что там на них было? А этот мало того, что неделю не брился, так еще и одет черт знает во что. Джинсы какие-то трижды выгоревшие, рубашка зеленая им под стать, а на ногах – сапоги! Огромные, разбитые и расхлябанные кирзовые сапожища, с коркой подсохшей грязи. Из-за правого голенища что-то торчит, рукоятка с плетеной кожаной петлей-ремешком. Плетка, что ли? По виду мужик как раз на деревенского пастуха похож, видела она таких. Может, обознался старик?

Олег Алексеевич снова поднял руку, но на этот раз – дружески приветствуя.

– Здравствуй, Саша. Что, опять в лесники подался?

– Просто проехаться решил. Да и вас заодно встретить, – мужик спрыгнул с лошади. Ловко спрыгнул, ничего не скажешь. Такое в цирке можно увидеть или в кино, но никак не в деревне. В обычной деревне, по крайней мере. – Ну, гостью представлять будешь?

– Таня, – девушка сама шагнула вперед, протянула руку. На секунду ладонь утонула в мощной кисти, потом случилось то, чего девушка ожидала меньше всего. Учтивый поклон, рука чуть приподнимается, и пальцев легко касаются теплые, чуть шершавые губы. Надо же!

Краем глаза Татьяна успела заметить, как дрогнули усы и чуть прищурились глаза у Олега Алексеевича. Непонятно. Но явно не показалось – распрямившись, странный мужик ответил ее спутнику спокойным, чуть хмурым взглядом. Что-то тут есть. Что-то было между Олегом Алексеевичем и этим Сашей. Личное. Впрочем, это их дело. Ее сюда не в гости привезли, а на консультацию к специалисту, как больную – к врачу. Осмотрят, поставят диагноз, назначат лечение – и век она не увидит ни этот лес, ни этого всадника, ни непонятную «...о...вку». А со своими делами старик пусть сам разбирается.

ГЛАВА 3

– Проходите, лейтенант. Вас ждут.

Ох уж эти адъютанты-ординарцы-денщики... Будь это все не в штабе, а в какой-нибудь фирме, сидела бы за этим столом более или менее длинноногая – в зависимости от доходов и знакомств шефа – девица, хлопала бы накрашенными глазами. А этот... «Проходите, лейтенант!» Между прочим, по уставу положено было бы обращаться «товарищ лейтенант». Ну ладно, генералу «летеха» не товарищ, но этому-то, орлу застольному... Те же две звездочки на плече. Маленькие такие. И смотрит брезгливо, чуть нос не зажимает. Ну да, конечно, к начальству можно было бы и «парадку» надеть. Или хотя бы вот такую новенькую, отутюженную форму, как на адъютанте.

И не вонять чуткому штабному носу кирзой с гуталином. Ноздри ходуном ходят, морщится слегка. Словно в училище сам так же не благоухал. Ничего, ничего, понюхай... товарищ хренов. И все остальное, чем может пахнуть офицер-химик, выдернутый прямиком с тактических занятий. Хорошо хоть у водителя в штабном «бобике» нашлись щетка и скипидарно-солярный «крем обувной черный». Не то полюбовался бы еще и на пыль полигонную, с хлорпикрином пополам. Правда, этот запах адъютант мог бы и не распознать. Пехота... Впрочем, особый отдел какими только знаками различия не обзаводится. Ладно, хрен с ним, с адъютантиком. Нас ждут. Войдем.

– Здравь-желаю, товарищ...

– Вольно, лейтенант, вольно. Проходи, садись.

Вот этому полковнику Андрей точно не товарищ. Просто лейтенант. Один из сотен, если не тысяч, порученных попечению и надзору, как открытому, так и негласному. Впрочем, может быть, полковник лейтенантов не опекает. У полковника есть дела поважнее. Видел его Андрей впервые, и чего ждать, не знал. Ничего, сейчас все ясно станет.

– Сел? Вот и молодец. Хорошо сел, ценю. Чему-то научили тебя все-таки. Прямо с полигона? – полковничьи ноздри тоже шевельнулись. Еле заметно. – Окуривали?

– Товарищ полковник, не имею права...

– Знаю. Опять молодец, на мелкие провокации не ловишься. Ладно, оставим. Это все присказка, а теперь сказка начинается, – полковник раскрыл лежащую перед ним картонную папку. – Перейдем к делу. Если не ошибаюсь, во время эпидемии в Желтогорске вы были студентом в местном университете?

– Так точно.

– Привлекались к карантинным мероприятиям?

– Так точно, в качестве...

– Не важно. Ваше мнение об этой эпидемии? Не официальное, а именно ваше. Подумайте, хорошо подумайте.

О чем тут думать, интересно? О том, что именно хочет услышать полковник из особого отдела? Все остальное уже не раз и обдумал, и обсудил. С друзьями. С преподавателями. С самим собой. С новыми сослуживцами... Постой, постой, уж не заложила ли какая-нибудь сволочь?! А если и так – что особенного?

– Ну как, подумали? – полковник насмешливо прищурился. – Или подыскиваете ответ помягче? Не ищите, выкладывайте все, что есть. Я вас не трясти собираюсь, мне нужно мнение специалиста. Независимое и неофициальное. Поверьте, Андрей Владимирович, – особист перешел на дружеский, даже задушевный тон, – нам важно именно ваше мнение. Причем такое, которое не пойдет по инстанциям и не будет обсуждаться старыми хрычами со званием профессора и мышлением образца сорок пятого года. Хотите, я вам на выбор предложу их версии? Диверсия, применение неизвестного психохимического оружия, обработка со спутника

излучателями, вскрытие старого могильника или утечка новых разработок... Как вам все это? Ну, что вы думаете об этих версиях?

– Проверить не мешало бы, – осторожно отозвался Андрей. – Отработать каждую, насколько возможно.

– Сделали, – поморщился полковник. – Результатов, как видите, никаких. Иначе мы бы с вами не беседовали.

– Ну почему же никаких? Отрицательный результат – тоже результат, товарищ полковник.

– Точно. Так вот, лейтенант, версий много, но все равно не хватает. Поэтому вас и привлекли. Вы – очевидец и участник событий, после этого приобрели кое-какой опыт в отряде... Скажите, только честно, с чем-нибудь подобным сталкивались?

– Не знаю, товарищ полковник. Если бы у меня тогда нужное оборудование имелось, провели бы исследования, можно было бы сказать.

– Исследования проводились, – полковник раскрыл зажимы скоросшивателя, вынул из папки несколько листков. Просмотрел, подал несколько Андрею. – Вот, ознакомьтесь. Ваш допуск позволяет.

Лейтенант взял бумаги. Бегло просмотрел. Задумался, взглянул еще раз, уже внимательнее.

– Может быть, чего-то действительно не нашли? – сказал он через пару минут. – Вот здесь реакция все-таки была, хотя и слабая...

– Проверили, можете не беспокоиться, – полковник усмехнулся. Чуть заметно, уголком рта. – Это одно местное предприятие картинку подпортило. Так, лейтенант, данные у вас есть. Что дальше? Ну, представьте себе, что вас в этот самый Желтогорск забрасывают с отрядом. По разработкам, могильникам и прочему мусору все проверено вплоть до основания города в тысяча пятьсот забытом году. Никогда ничего подобного не было и быть не могло. Ваши действия? Что вам еще нужно?

– Полная статистика по пораженным. Включая место работы и вредные привычки.

– Сделано. Показать не могу, но есть. Общий итог – никаких совпадений. От детей до стариков, от спортсменов до бомжей-алкоголиков – полный спектр, включая областного замминистра. Национальность, год рождения, район проживания – не имеют значения.

– А по времени?

– Что – по времени?

– Где началось раньше, есть данные? Хотя бы по вызовам скорой помощи посмотреть можно.

Настала очередь полковника помолчать в раздумьях. Только смотрел он не в бумаги, а на собеседника.

– Профессионал, – подвел итог особист через минуту. – Есть такая статистика. Началось все в западной части города, распространялось с большой скоростью, но проследить удастся. Естественно, с поправками на плотность населения и наличие телефонов – из многоэтажки вызовы быстрее поступят, чем из развалюх, где один телефон на три улицы. В общем, наибольшая скорость распространения – на север и северо-восток. Чуть меньше – в южном направлении. А вот центр накрывало медленнее, хотя он гораздо ближе. И поражения не такие тяжелые.

– Ветер? – быстро спросил Андрей.

– Не соответствует. Ни основной, ни местные завихрения. Дальше, лейтенант, дальше.

– Характер поражений в центре и на окраинах одинаковый?

– Практически одно и то же, – кивнул полковник. – По всему городу. Однако за городскую черту выходов практически нет. Несколько пригородных поселков дают ту же картину, что и город. За реку вообще не перешло. Те случаи, что там зафиксированы – результат поездок в город в самом начале эпидемии.

– После начала число пораженных сильно выросло?

Полковник не ответил. Опять замолчал, но на этот раз внимательно разглядывал не лейтенанта, а стоящую на столе пепельницу.

– Незначительно, – наконец отозвался особист. – В основном поступали те, к кому раньше не могли подъехать. Через сутки после начала новые случаи можно считать единицами.

– С учетом того, что пострадало около трехсот человек... – Андрей не договорил, вопросительно посмотрел на полковника. Тот кивнул:

– Государственная тайна. Точную цифру назвать не имею права, но больше.

– Но хотя бы приблизительно? Насколько больше? В несколько раз?

– На порядок, – жестко ответил особист. – Можешь считать, что на порядок.

Андрей на несколько секунд онемел. Да он был тогда в городе, видел, что творилось на улицах, слышал еще больше, чем видел – смотреть пришлось в основном на пробирки и в микроскоп... Но больше трех тысяч за сутки? И на следующий день – единицы?

– Это не эпидемия, – он покачал головой. – Это однократное применение чего-то. Почти точечный удар. Или выброс.

– Конечно, не эпидемия, – подтвердил полковник. – Иначе здесь сидел бы ваш врач. Или еще кто-нибудь. Какие еще будут предположения, лейтенант?

– Нечистая сила вмешалась, товарищ полковник.

Шутка не удалась. Особист смотрел настороженно, как-то хищно. Потом все-таки пришел для себя к какому-то решению, чуть расслабился. Спросил:

– Что, и такие слухи ходили?

– Так точно. Парнишка у нас в группе был, экстрасенсом считался. Его не накрыло, но он уверял, что в ту ночь ему от какой-то нечисти пришлось отбиваться. Да и не он один такое нес. Вы же знаете, товарищ полковник, сейчас магов много развелось. На любой вкус и цвет.

– А вы, значит, в это не верите?

– В магию? Честно говоря, не очень. Биоэнергетика, резервные возможности человека – это куда ни шло. А колдовство, заклинание погоды и все прочее... Может быть, в этом и есть что-то, но в нечисть верится слабо.

– Мне тоже. Но иногда приходится верить. И вам придется, если согласитесь на одно мое предложение. В принципе, можно было бы и приказ отдать, но есть причины, по которым добровольцы полезнее. Итак, Андрей Владимирович, если бы создавалась специальная группа для работы по Желтогорской проблеме, вы бы согласились в нее войти?

– Согласился.

– Я вас не тороплю. Можете подумать сутки – естественно, с соблюдением секретности.

– Понятно. Нет, суток не нужно. Я согласен.

– И все-таки – минута на размышление, – полковник улыбнулся. – Читали?

– Читал, конечно, – Андрей почти сразу же догадался, о чем именно спрашивают. Еще бы! В отряде – почти что настольная книга, вечный источник здорового юмора.

– Время пошло. Думайте.

Ровно через минуту полковник повторил:

– Итак, вы согласны, товарищ лейтенант?

– Так точно, согласен.

– Хорошо. Тогда подпишите вот это, – из папки появились еще два листа. Две одинаковые распечатки, сделанные на стареньком принтере, причем не самым лучшим качеством печати. Что у них, современного оборудования нет? Андрей вчитался в текст, где его данные были проставлены заранее. Действительно, оставалось только подписать. Подписка о неразглашении и еще кое-что.

– Чем подписывать?

– Можно кровью, но это вы всегда успеете, – полковник был совершенно серьезен. – А пока – вот вам ручка. Здесь вот черкните, на обоих экземплярах. Отлично, – листы вернулись в папку. – Раз вы все так быстро решили, то сутки я вам даю на сборы. Завтра к вам в отряд прибудет сменщик, сдадите дела ему.

– И что потом?

– Потом за вами приедут.

* * *

– Подбрось еще хвороста, гаснет.

Татьяна послушно дотянулась до лежащих неподалеку веток, сунула несколько в костер. Красно-желтые язычки неуверенно попробовали угощение. Облизали сильнее, вытянулись. Темнота обиженно убралась к краю поляны.

– А теперь попробуй убавить огонь. Нет, не трогай! Не руками. Головой. Только в огонь не суй, я не об этом.

– Понятно, – обиженно ответила девушка. Все-таки первое впечатление не обманывает. Мужик и есть. Медведь лесной. Туда же – руки целовать... Старик тоже хорош. «Познакомились? Ну вот и ладно, дальше сами разберетесь, а я к леснику зайду». Бр-р-р, холодрыга! И костер не спасает. Конечно, она ехала с расчетом переночевать неизвестно где, но не в лесу же, под открытым небом! И Саша этот – чего ему надо? То одно сделай, то другое... Специалист! Разговаривает, словно ее из дурдома привезли. Ну хорошо, попробуем убрать пламя.

Огонь не гас. Даже не трепетал. Пламя свечки всегда колыхалось и съезжалось перед тем, как погаснуть под взглядом. Но то свечка, а не костер!

– Не могу, – выдохнула Татьяна через несколько минут. – Все, сил не хватает.

– При чем здесь сила? Сила нужна, когда стену ломом долбишь, – спокойно ответил небритый ведун. Провел рукой над костром. Пламя вжалось в угли и выпрыгнуло, когда ладонь отодвинулась. – Если умеешь гасить свечу, сможешь и пожар потушить... Кроме лесного, – добавил он через несколько секунд. Снова замолчал, на этот раз надолго. Наконец словно очнулся, мотнул головой. – Тебе Олег о Древнем Народе что рассказывал?

– Почти ничего, – пожала плечами девушка. – Вроде бы нелюди какие-то, с врожденными способностями ко всему этому, – она попробовала провести рукой над костром, обожглась, затрясла ладонью. – Н-ничего, в общем.

– А насчет тебя самой?

– Сказал, что я тоже каким-то боком к вам отношение имею.

Способности мои из-за этого не те, какие должны быть.

– Так и сказал – не такие? – глаза собеседника странно блеснули.

– Н-ну, может, и не так. Что-то насчет того, что именно из-за вашей крови у меня ничего не получилось.

– Из-за нашей... Это где же ты ее подобрала? – Саша криво, вымученно улыбнулся. – Нет, девочка, это и твоя кровь. Только твоя. Если хочешь, могу сказать и не так романтично. Гены. Генотип. Он у тебя от папы с мамой. А также от прадедушек и прабабушек по всем линиям, от самых питекантропов. Вот на этих линиях где-то у тебя и были... наши. Причем и у папы, и у мамы.

– Откуда вы знаете? – недоверчиво покосилась Татьяна. Дожили. Расцвет науки и просвещения: в деревнях уже о генетике рассуждают. – Вы что, мои анализы проверили?

– Надо было бы – проверил, – Саша поморщился. – Не шуми и не ершись. Думаешь, зря я тут над тобой несколько часов издеваюсь? Заставляю вокруг поляны бегать, траву руками греть, костры взглядом гасить? Или шутки ради? Ей-ей, Татьяна, я бы сейчас с удовольствием

дрых на собственной кровати. Или чай гонял на веранде, под разговоры о жизни и магии. Что у тебя есть гены Древнего Народа, это и без анализов видно.

– И по чему видно?

– Как тебе сказать? – ведун почесал лохматый затылок. – По тебе. Тут все дело в опыте. Вообще-то даже по внешности чаще всего можно догадаться, но чтобы вот так сразу сказать, по чем именно... Чуть другие скулы, уши, глаза. Даже шея. Хотя внешность

– это, конечно, не аргумент. В России такой коктейль из всех племен и народов, что ничему уже не удивишься. Так что основное – это чутье. Если с нами останешься – через полгода-год и у тебя появится. А уж во время такой работы, – он снова пригасил костер движением руки, – тем более можно понять, что к чему. Точнее, кто есть кто.

Угли светились багровым, иногда по ним проходили алые волны. Несмело пробивался одинокий желтый огонек – не больше, чем от спички. Лицо Саша больше не казалось деревенским. То ли из-за мрачных отсветов, то ли из-за того, что не видно было густой щетинистой поросли на лице. Смотреть было жутковато. Перед костром сидел не человек. Кто-то другой, заглянувший на эту поляну из другого мира. Или из других веков. Из древних. Где-то в темноте тихо фыркнула лошадь. Достань сейчас собеседник откуда-нибудь из темноты огромный меч или светящийся посох – Татьяна не удивилась бы.

Огонь разгорался все ярче, и наваждение прошло. Просто мужик. Человек. Не такой уж простой, как показалось вначале, но и не сказочный герой, не пришелец, даже не иностранец. Уставший, задумавшийся человек. Интересно, сколько ему лет? Олег Алексеевич в свои девяносто выглядел на шестьдесят. Если ему действительно столько, сколько он сказал. А сколько может быть мужчине, который выглядит от силы на тридцать? Пятьдесят, семьдесят?

– Саша, а сколько лет Олегу Алексеевичу?

– Что? – ведун очнулся, оторвался от своих мыслей, наморщил лоб. – Олегу? Кто его знает, не считал. Он сам не говорил?

– Сказал, что за девяносто. Но ведь такого не может быть!

– Почему? – удивился Саша. – До девяносто и люди неплохо живут, даже дольше. Может, ему и больше ста, не знаю. Он у нас один из самых старших... Теперь, по крайней мере. А моему последнему учителю было сто двадцать два.

– Мно-о-го...

– Было бы и больше. Убили его, а то и до ста пятидесяти дотянуть бы мог. Крепкий был дед, боевой.

– Как убили? Кто?!

– Неважно, – Саша зло прищурился. На скулах заиграли желваки. – Они его не надолго пережили.

– Это вы их?... – язык не повернулся сказать то, что было на уме.

– Мы. Мы все. Иначе – они бы нас. И так еле справились.

Надо же, какие страсти! Стало совсем неуютно. Приключение с тетрадкой затягивало все дальше, словно дурной сон. Сначала муравьи, потом таинственный старик... А теперь, оказывается, здесь еще и убивают друг друга! И вот этот небритый, потертый мужичок – тоже убийца. Да-а, Татьяна, ты попала конкретно, как сейчас говорят. Уйти бы из этого леса, вернуться домой – и забыть навсегда сумасшедших долгожителей и лесных колдунов!

– Не бойся. Это все в прошлом и тебя не касается. Успокойся.

Легко сказать – успокойся! Так, наверное, и барана хозяин поглаживает, успокаивает. Чтобы тот стоял смирно и не мешал ножом до горла дотянуться.

– Да не бойся ты! Никто тебе ничего не сделает. Хочешь – иди хоть сейчас на все четыре стороны. Могу даже до станции проводить. Или до деревни.

Он что – мысли читает? С таким провожатым только ночью через лес ходить. Потом и не найдет никто. Наткнутся через пару лет грибники на скелет в сгнивших тряпках – и все!

– А мысли я не читаю. Мог бы узнать, о чем именно ты думаешь, но это и так видно. Тебе бы сейчас на себя верхним зрением посмотреть! – Саша неожиданно улыбнулся. – Прямо салют в честь Дня Победы! Искры во все стороны. И почти все – красные. Знаешь, что это такое?

– Нет, не знаю. Догадываюсь, – Татьяне удалось призвать разбушевавшееся воображение к порядку. Значит, у них это называется верхним зрением? Интересно. – Саша, вопрос можно?

– Хоть сотню! – он улыбнулся еще шире. – Мы тут и сидим для вопросов и ответов. Насчет верхнего зрения спросить хочешь?

– Угадали! Вы не знаете, чем меня Олег Алексеевич напоил по дороге? После этого оно у меня обострилось. Ну, зрение это. И еще слух.

– А нюх – нет? Или реакция на тепло?

– Нет... А что – должны были?

– Не обязательно, но могли. Все зависит от состава, ну, и от обработки, конечно же. Немного знахарства, ничего особенного. С научной точки зрения там несколько стимуляторов, с нашей – они же, но действие усилено и узко направлено.

– Чем же?

– Заговорами. И тем, кто это все делал. Вообще-то такой чай – дело тонкое. Можно и травы знать, и нужные слова, и все по рецепту сделать – а выйдет обычное пойло, не самое приятное. Или вовсе отравя. Вот такой, чай, которым тебя угостили, я пока не берусь готовить. Разве что сильно припечет, а попросить будет некого.

– А Олег Алексеевич сам делал?

– Мог и сам, а мог и просто заранее у знахарей запастись. Такие составы долго хранятся, не прокисают и не выдыхаются. Особенно если профессионал готовил.

– А вы в какой области специалист?

– В области добывания и обработки информации. Любыми путями и способами, – Саша хитро и весело прищурился. – Вплоть до допросов третьей степени. Да не пугайся ты так! Я в свое время в разведке служил, там учили. Среди всего прочего.

– Вы... воевали?

– Воевал, – кивнул ведун. – Олег сказал или сама догадалась?

– Я просто спросила – а вдруг? Вы с Олегом Алексеевичем вместе воевали, да?

– Ого! – Саша громко расхохотался. По лесу прокатилось эхо, истаяло шорохом среди дальних деревьев. – Слушайте, сударыня, вы меня пугаете! Неужели я таким же стариком выгляжу?

– Нет, что вы, – девушка смутилась. – Просто... Вы говорили, что можете и сто пятьдесят прожить... Может, стареете медленнее, я же не знаю!

– Стареем медленно, но не настолько же! Сколько мне можно дать, а?

– Не знаю. Ну, если Олегу Алексеевичу девяносто, то вам не больше пятидесяти. Угадала?

– Не больше, – вздохнул собеседник. – Даже не больше сорока. Да и до тридцати пяти пока что не дотянул.

– Так вы, значит, в Чечне воевали?

– Опять промахнулась. Чуть раньше. Когда Чечня началась, я уже два года как на гражданке был. Ладно, не ломай голову, вы эту войну в школе вряд ли проходили. Может, оно и к лучшему. Давай о чем-нибудь другом поговорим, ладно?

– Как скажете, – похоже, она чем-то лишним заинтересовалась. – А вы раньше лесником были? Олег Алексеевич...

– ...Иногда очень много говорит, – продолжил за нее Саша. – И при этом на старости лет не всегда понимает, что можно говорить, а что нельзя. Не обижайся, Татьяна.

– С чего вы взяли, что я обиделась?

– Вижу. Если решишь остаться с нами, сразу же учись не светить своим настроением на всю округу.

– С вами? В лесу?

– С нами – это с Древним Народом. Если бы тебя это совсем не интересовало, мы бы сейчас здесь не сидели. А с нами можно быть где угодно. У себя дома, например. Многие именно так и живут.

– А в чем тогда разница – с кем? И зачем вообще с кем-то быть?

– Ну, например, чтобы муравьи не кусались. Сиди, не подсакивай. Разница в том, что твои способности нужно если не развивать, то хотя бы контролировать. Самостоятельно у тебя это плохо получается, правда?

– И что? Это ведь мое дело – или нет?

– Твое, конечно. Вот только лес после тебя пришлось нашим ребятам успокаивать. Между прочим, не такая уж простая работа, и не всегда безопасная.

– Ну хорошо, а если я ничем таким больше заниматься не стану? Хотите, могу честное слово дать? Или поклясться – чем хотите?

– Не клянись, если не исполнишь.

– Почему же я не выполню? Откуда вы знаете?

– Работа у меня такая – знать... Во-первых, ты этого уже попробовала, обожглась и не испугалась. Интерес у тебя есть, и чуть ли не больше, чем до той полянки. Вот сегодня тебя Олег чаем угостил – понравились ощущения? Можешь не отвечать, и так вижу.

Рано или поздно все равно захочется еще раз попробовать. И не просто захочется, а так потянет, хоть вой. Или случай какой-нибудь подходящий подвернется. Например, помочь кому-нибудь, боль снять.

– И что здесь плохого?

– Может быть, и ничего. Особенно если умеючи. А с клятвой тогда как быть? В таких делах, знаешь ли, на уважительную причину не сошлешься. Раз сказала – все, то никаких исключений. Оступилась раз – на следующий тебе уже ногу подставят.

– Кто?

– Неважно, – то ли костер приугас, то ли собеседник заметно помрачнел. – Попросту твои способности могут выйти из-под контроля. Силы у тебя не такие уж малые, а главное – от природы талант. Пока что особенно заметный по неприятностям. Тогда были муравьи, в следующий раз дом рухнет или автобус взорвется. Что, не веришь? И такое бывает. Особенно в последнее время, как раз с такими, как ты.

– Но почему?! – верить в услышанное не хотелось. Совсем. До слез и крика. – Почему обязательно именно такое? Почему со мной?!

На этот раз костер явно был не при чем. Послышался тихий скрип зубов и несколько глубоких вздохов. Но раздавшийся вслед за этим голос был совершенно спокоен.

– Почему бы и не с тобой, если это с кем-то бывает?! О таком ты не думаешь? Ладно, скажу, невелика тайна. Сейчас все скрытые способности обостряются. Те самые гены, дремавшие до поры до времени. На самом деле они, конечно, еще до рождения свое дело сделали, просто не проявляли себя. Условия были не те.

– А сейчас изменились? Но почему, как?

– Много будешь знать... будут тебе парни на вид пятьдесят давать. Еще в тридцать, если не раньше. Ответить я могу, но ты просто не поймешь. Или нам тут с тобой неделю просидеть надо, все обсудить и кое-чему еще научиться. Если получится, конечно. Просто знай на будущее, что тебе или учиться, или готовиться к неприятностям.

– Ну хорошо, пусть надо учиться. Но ведь можно просто научить это все контролировать, правда? Почему тогда – или с вами, или против вас?

– А кто сказал, что против нас? Достаточно и того, что не с нами.

– Но почему?

– Потому что некогда. Устраивает такой ответ? Некогда учить все человечество. Не будет оно учиться, да и учителей не хватит. А еще – потому, что если кто не с нами, то им совершенно необязательно знать, как и что именно мы делаем. Вопрос на засыпку: когда ты по тетрадке училась – делала только то, что прочитала? Или пыталась еще что-то свое добавить? Пробовала те же принципы и приемы по-другому применить?

Девушка не ответила. Впрочем, и молчание иногда может быть ответом, не менее понятным и красноречивым, чем слова. Да, конечно же. А кто не попробует? Кому интересно будет только повторять за кем-то все шаги и не пойти туда, куда самому хочется?

– Вот так-то, Таня, – костерок разгорелся поярче, когда ветка в умелой руке чуть подправила головешки и поворошила угли. – Когда человек становится Древним, начинает думать, чувствовать, видеть все так же, как мы – это совсем другое дело. Тогда появляется хоть какая-то гарантия, что он не вывернет все наизнанку. Контроль над своими силами, знание всех своих возможностей – это очень много. Можно их придержать – а можно и снять барьеры в нужный момент.

– Ну и что в этом плохого?

– В самой возможности – ничего. Весь вопрос в том, как ее использовать. Например, возможность растревожить лес. Теперь ты точно знаешь, что для этого нужно сделать, правильно? А я вот возьму и научу тебя этот лес успокаивать, или хотя бы уходить из него целой и невредимой. Мало?

– Много.

– Правильно. Потому что в один прекрасный день ты приведешь кого-нибудь на ту же полянку и покажешь чудеса. Да, конечно, сейчас ты можешь дать самую страшную клятву, кто никогда ничего такого не сделаешь. Но через год, три, десять лет – и твой испуг, и твоя клятва могут и позабыться. Тем скорее, чем сильнее ты будешь жалеть о своих способностях. Ты можешь и не пользоваться ими каждый день – но показать кому-то, кто ты есть на самом деле... Для того, чтобы тебя уважали, тобой восхищались, да просто чтобы доказать, что ты не такая, как все. Спроси любого, кто подобными делами занимается – нравится ему чувствовать свою силу, свое превосходство? Самой тебе – нравится?

– Не всегда.

– А я и не говорю, что ты целыми днями будешь на той поляне сидеть. Или еще один пример – не понравился тебе кто-нибудь, пригласила ты его в лес. Погулять. Или по грибы.

– Или просто подождала, пока сам пойдет... Понятно. Значит, вы мне не доверяете? Но зачем тогда сюда вытащили? Зачем обо всем этом разговариваете?

– А действительно, зачем? – спросил Саша у нависающего над поляной дерева. – Чего я, спрашивается, не сплю и человеку не даю, ежели человек ничего понимать не хочет? Ну вот не хочет, и все? Спорит так, словно пытается мне доказать, что она не хуже и не глупее? Это я и так знаю, чего спорить-то?

– Я не пытаюсь доказать, – обиделась Татьяна. – Я хочу во всем разобраться!

– Тогда думай. Хорошенько думай, прежде чем спрашивать. Я отвечу, мне не жалко. Только если ты сама поймешь, еще до того, как спросишь – это будет гораздо полезнее. Для начала, пожалуйста, усвой одно: тебя никто никуда не вербует, ни обманом, ни силой не тащит. Мы не сектанты какие-нибудь, к людям на улицах не пристаем. Скорее наоборот, пытаемся на глаза не попадаться.

– Поэтому такая секретность? Встречи в лесу, неизвестно где? Для секретности.

– Нет, не для секретности. Лес – это очень важно, а в твоем случае – особенно. А в городе я вообще стараюсь пореже появляться. Не лучшее это место для нашего брата, не лучшее. Даже в пустыне уютнее.

– Но Олег Алексеевич в городе живет, и ничего. Да вы и сами говорили, что многие ваши как жили, так и дальше живут. Или это из-за того, что вы – ведун?

– Нет, не из-за этого. Тут отдельная история, не ночью ее рассказывать. Может, еще узнаешь, в чем тут дело – даст бог, не на собственном опыте. А лес... Лес – место хорошее. Особенно такой, как этот. На тропу обратила внимание? Верхним зрением разглядела? Это ведь не специально сделано, никто особенно не старался. Подправили чуть-чуть, а так – саморосло. Просто наши постоянно этой дорогой ходят.

– Их что, так много здесь живет? То есть вас. Древнего Народа.

– Много. Если с детьми считать – почти тысяча.

– Ого! А сколько вообще в мире? Или это секрет?

– Какой там секрет! Просто никто точно не подсчитывал. Тут еще вопрос встает – кого именно считать настоящим Древним. Если более-менее чистокровных – вряд ли больше миллиона. Это при том, что не всех мы знаем. Кстати, в России из них почти половина.

– Почему? Потому что лесов больше?

– И поэтому тоже, но в основном потому, что раньше лесов было еще больше, а людей в них – меньше. Веков семь-восемь назад из Европы многие сюда пришли. Да и жить отдельно, не смешиваясь с остальными, удалось дольше. Ладно, поздно уже. Спать надо, утром рано встанешь. Сама не проснешься – роса разбудит. Утро вечера мудренее – вот с утра и будешь остальные вопросы задавать.

– А еще один можно? Последний?

– Можно.

– Вы давно в лес ушли? И где раньше жили?

– Это уже два вопроса. На какой из них отвечать? Ну да ладно, на оба отвечу. В Желтогорске жил, а потом неподалеку. Уехал сюда после эпидемии. Все? Вижу, что не все, но остальные – утром! Спокойной ночи!

Какое уж тут спокойствие! Во-первых, ей еще не приходилось спать, завернувшись в брезентовый плащ и лежа на чем-то, сильно пропахшем лошадьё. Не так уж это просто – заснуть в таких непривычных условиях. Во-вторых, вопросы распирали голову и просились наружу. В-третьих... В-третьих, Татьяна успела только понять, что голова у нее кружится и тяжелеет. Какое-то время она еще слышала тихое потрескивание костра и шум леса. Наверное, этот шум ее в конце концов и убаюкал.

* * *

– До утра точно не проснется.

– Помог?

– Точно. Немного придавил, чтобы успокоилась. Ты разговор не слушал?

– Не имею такой привычки, Саша – слушать чужие разговоры. Мы тут с Филипповым бывшее вспоминали. Ну, и что ты можешь сказать об этой девчонке?

– Может, и приживется у нас, но на первых порах – глаз да глаз за ней нужен. И еще – вряд ли она в какой-нибудь клан захочет войти. Будет сама по себе.

– Такая же упрямая, как ты?

– Куда уж мне! У меня, если еще помнишь, были хотя бы остатки армейской дисциплины, да и поколение другое. Нас все-таки воспитывали «с чувством глубокого коллективизма». Если нужно всем – значит, можно и потерпеть. А она вот терпеть и поступаться не хочет.

– И возраст еще такой.

– И возраст, – согласился Александр. – Подростковый, пока еще не слишком затянувшийся. Да еще дома наверняка много свободы – родители заняты, единственное чадо, воспитывали бабушка с дедушкой... Угадал?

– Почти угадал. И забыл добавить идеи полной свободы от всего и вся. Тетрадочку-то прочитал?

– Прочитал. И вообще – можешь не напоминать, от кого это идет.

На всю жизнь запомнил, – Александр потянулся к плечу, потерял его.

– И зарубку на память получил.

– Зарубку получил, а все равно сразу не вспоминаешь, –

проворчал Олег. – Ну ладно, хрен с ней, со свободой. Что с девчонкой делать будем? Лечить или учить? Может, ей просто все ее способности заблокировать, и дело с концом?

– А потом очередная случайность – и все опять вскрылось. Только теперь к этому будет еще и озлобленность за то, что ее так надолго этих талантов лишили. Не то время, Олег. Сейчас такие самородки из-под ног вылазят, как поганки на газоне. Если уж через черт знает сколько поколений эти способности ни с того, ни с сего пробиваются, то наша блокировка... Я думаю, станет только хуже. Лучше уж пусть на глазах будет. И наученная тому и так, что и как нужно. Если вдруг не туда пойдет, наши с ней справятся. Тогда и заблокировать можно – объяснив, за что и на какой срок.

– Жестоко. Что ж ты так в лоб, Саша?

– Жестоко, не спорю, – Александр, прищурившись, смотрел на сияющую сердцевину пламени. – И спорить не собираюсь. Не первый раз об этом говорим. Ты спросил мое мнение – я тебе ответил. Учить, Олег Алексеевич, всенепременнейше учить. Учить, учить и учить. Ее. Того паренька, что ты в прошлый раз приводил. Тех, кого ты еще приведешь. Я свое на Совете сказал и отступаться не собираюсь.

– И ты все еще считаешь, что наш народ с этим справится? Саша, ты последние данные знаешь? Я про Желтогорск уже не говорю – по соседним областям, по стране? Местами людей с такими способностями – от сорока до шестидесяти процентов взрослого

населения! Ладно, у нас это можно объяснить последствиями разрушения Печатей. Вполне возможно, мы что-то не нашли, не убрали вовремя, что-то сказывается все эти годы – например, на детях. Но в других областях что действует? Ты об этом думал?!

– Не шуми, разбудишь. Думал. Ты знаешь, теперь и время есть, и сведения накапливаются. Кое-что сам, многое мужики из нашего клана раздобыли. Все то же, Олег. Везде – одно и то же. И по тем же самым причинам. Тогда, возле города – это был детонатор. Запал. А к взрыву давно уже все готово.

– Но тогда мы детонатор успели вынуть.

– Не успели. Опоздали на несколько минут – это если себя похвалить. А если поругать – на несколько дней. Как только сняли первую печать, появилась связь между нашим миром и теми, кто лез снизу. Фонтан мы заткнули, но теперь все сочится по капле, и не в одном месте, а в сотне. Все, хватит на эту тему, нечего и сюда навлекать. Расскажи лучше, как там в городе дела. Что новенького? Как Натаныч, все так же отошедши от дел? Помощника ему нового дали? Прошлый раз ты говорил, что подыскиваете.

– Подыскали. Не ревнуй, на кого попало твой лес не останется. Из наших парнишка. Новичок, ты его не знаешь. Гордится и боится – как же, на чье место пришел! Миша ему перед отправкой такую обработку устроил, что тот в твоей комнате спать не ложился.

– Мемориал, – хмыкнул Александр. – Комната-музей имени великого воителя Шатунова. Приехать, что ли, стать главным экспонатом?

– Не приезжай. Всем хуже будет, тебе в первую очередь, – Олег был совершенно серьезен. – Искать тебя перестали, но если объявишься – вспомнят. Илья узнавал – дело пока не закрыто. Так что сиди здесь, Филиппову помогай. Тут тебя никто не разыщет.

– И долго мне в лесах отсиживаться? У меня, между прочим, еще и родня осталась! Да и вообще – надоело по кустам прятаться.

– Ну хорошо, если так уж хочешь – можешь со мной поехать. Только учти: передачи я тебе носить не буду – некогда. Зато повидашь новые места и познакомишься с разными людьми. И все это – за казенный счет. Я тебе это предлагал?

– Предлагал. Ладно, разговор старый. Ничего не изменилось – значит, буду тут сидеть. А ты мне работу на дом приводить.

– Приводить – это не беда. Другого я боюсь, Саша.

– Чего?

– Что работа к тебе сама сюда придет.

ГЛАВА 4

Огонек свечи мигнул, чуть не сорвался с тоненького фитилька, но каким-то чудом удержался и выпрямился.

– Ну и что ты делаешь? Давай еще раз!

– Не могу я, Олег Алексеевич. Не получается!

– А ты пробуй, пробуй. Делай все так, как я тебя учил.

Девушка вздохнула и мрачно посмотрела на свечку. Пламя снова колыхнулось.

– Это не я! – удивилась Татьяна. – Я еще ничего не делала!

– Конечно, не делала. А должна бы, – проворчал Олег. – Проходи, Илья. Посмотри, какими плюшками балуемся. Познакомься – это та самая Татьяна.

– Очень приятно, – вошедший в комнату бородач кивнул и чуть насмешливо прищурился. – Руки не подаю, не хочу отвлекать. Я не сильно помешал?

– Можешь подавать, тут уже ничем не помешаешь, – Олег раздраженно отмахнулся, и огонек сменился дрожащей стружкой дыма. – Не хочет учиться, и все!

– Я хочу! – обиделась девушка. – Я стараюсь, а ничего не выходит! Не могу я так, как вы!

– Правда? – брови Ильи поползли на лоб. – А как можешь?

– Я не свечи гасить... – Татьяна смущенно отвернулась.

– ...Только муравьев собирать, – вполне серьезно закончил за нее Олег. – Потребуется тараканов вывести – честное слово, дам полную свободу. Поставлю тебя во дворе и попрошу сделать что-нибудь этакое. А пока что, будь так любезна, делай все так, как я сказал.

– Я и делаю. Как вы говорите, так все и стараюсь делать. Настраиваюсь на эту чертову свечку, пытаюсь почувствовать огонь частью себя, а он все равно не слушается.

– Свечка не чертова, а моя, – возмутился Олег. – Была бы это «чертова свеча» – у тебя уже дым из ушей пошел бы! Настроилась бы ты тогда, как телевизор «Рубин» после гарантийного срока. Еще раз говорю: не настраиваться надо, не думать – просто чувствовать!

– Погоди, Олег, – бородач достал зажигалку, подошел к свечке.

– Таня, а вы не могли бы еще разок попробовать? Может, я что-нибудь увижу да подскажу, а?

– Как хотите, – плечи приподнялись и сразу упали. Словно не выдержали тяжелой ноши. – Разницы никакой, что девять раз не получилось, что десять.

– А вы попробуйте, попробуйте.

Сухо чирикнуло рубчатое колесико, выбило сноп искр. Еще один, еще – и голубовато-желтый язычок лизнул свечку.

– Вот видите, и техника не всегда с первого раза... Ну, работайте. Только не пугайтесь так, не дрожите. Не экзамен все-таки, – Илья шагнул в сторону, и все трое пристально поглядели на непокорный огонек. Тот несколько секунд покачался – и вдруг задергался, сорвался с фитиля и повис в воздухе над свечкой. Через мгновение на этом месте с легким хлопком за клубилось дымное облачко.

– А вы говорили, не получится, – Илья усмехнулся в бороду. Две пары глаз ошарашенно поглядели на него. – Пусть не совсем так, как полагается, но все же, все же! Да! Я, собственно, чего зашел: завтра воскресенье, ребята за город собираются. Выше по реке.

Пока бабье лето, последние золотые деньки поймать. Рыбалка, костер, уха и осенний лес. Приглашали Олега Алексеича, но... – зажигалка задумчиво потерлась о переносицу, – ...но, думаю, и его ученицу рады будут видеть. Опять-таки и вам, сударыня, познакомится с нашей жизнью полезно. Так что ждем-с.

– Н-не знаю, – взгляд Татьяны все еще рассеяно блуждал между погасшей свечой и блестящей зажигалкой. – Помешаю, наверное.

– Не мешаете. Ну, разве что уху в котелке, и то если рыбаки допустят. Или опасаетесь быть единственной дамой в мужской компании? Можете не бояться, будет вам с кем поговорить о своем, о женском. Я думаю, можно эту поездку считать практическим занятием. Если, конечно, учитель не возражает. Или у вас на этот выходной свои планы?

* * *

Серый катер разваливал пополам серое зеркало. Ленивая вода с отражениями облаков шипела на стали и вспучивалась двумя валиками, убегавшими к пожухлым камышам. Желтые проблески плывущих навстречу листьев удивленно подпрыгивали и переворачивались, натолкнувшись на волну.

После очередного поворота протока кончилась, и старенький «ярославец» побежал чуть побыстрее. Зеркало кончилось – по большой реке гулял ветерок. Не сильный, но для мелкой морщинистой ряби вполне хватало. Этот же ветерок выхватил из-под борта горький дизельный выхлоп и бросил на палубу.

Олег Алексеевич поморщился. С самого начала этой поездки ему явно было не по себе – устроился на какой-то железке перед рубкой, нахохлился и уставился на реку. Укачать вроде бы не могло...

– Возраст, знаешь ли. Скоро вообще из дома выйти не смогу, – старик перехватил сочувствующий взгляд Татьяны. – Это мне за то, что много знаю. Вот выучишься у меня, будешь много знать...

Девушка не выдержала и прыснула в кулак.

– Вот буду много знать и состарюсь, правда?

– Точно. И что тут смешного? По-моему, совсем ничего.

– Нет, я ничего, Олег Алексеевич. Вы только меня научите, как начать стариться в сто лет, хорошо?

– Ну, не в сто, положим. Да и не сегодня начал. Просто надышался этой вонью, да и трясет тут хуже, чем на трамвае. Нутряной какой-то дребезг. Не заметила?

– Вроде бы нет, – девушка прислушалась к своим ощущениям. – Чуть дрожит, но не трясет же. А почему мы на машине не поехали? Дороги нет?

– Дорога есть, но лучше бы ее не было, – Олег Алексеевич снова посмотрел на реку. – И не до самых лучших мест, там острова с хлипкими мостиками. Пешком идти придется. А машины оставлять без присмотра по нынешним временам весьма накладно.

– Неужели и тут угнать могут?

– А что, люди здесь не живут, что ли? Слева, во-он за тем холмиком – деревня. Не пастухи, так рыбаки запросто дойдут, для деревенских верста – не крюк. Да и городских тут немало бывает, места рыбные. И охота неплохая. Оставь «уазик» на полдня – глядишь, кому-то колесо лишнее понадобится. А то и вовсе отгонят за пару оврагов – и на запчасти, что себе, что на продажу.

– И у вас угонят? Но вы же... – Татьяна растерялась. – А магия? Можно же что-то придумать?

– Можно... было. Я же говорю – времена не те, – Олег

повернулся к рубке. – Вань! Помнишь, как у Ильи «десятку» раскулачили?

– А то! – донеслось из распахнутой двери. – Одна жестянка осталась, и ту еле нашли.

– Вот так у нас теперь, – старик снова посмотрел на реку. Потом обернулся к девушке. – На той машине столько всего понакручено было, что и я угонять не взялся бы. Мы и кузов-то нашли потом верхним зрением – светился, как лампочка. Зато тем, кто угонял – хоть бы что,

словно и не заметили. Лет пять назад у них и мысль не мелькнула бы – именно к этой «тачке» подойти. Ноги мимо пронесли бы. А теперь сиди и гадай: то ли они просто к таким делам нечувствительные, то ли их, наоборот, только больше привлекло. Меняется народ, Татьяна, меняется. Раньше такого никогда не было – это я тебе не только за свою жизнь говорю, поверь. Ладно, – Олег Алексеевич махнул рукой. – тут мы сами виноваты. За что боролись, на то и напоролись, теперь плакать нечего. Лучше скажи, чего ты тут сидишь, а не с ребятами? Стесняешься?

– Стесняюсь, – честно призналась Татьяна. – Неудобно как-то.

– Это ты зря. Ну ничего, день впереди, познакомитесь, разговоритесь. Хотя шла бы ты к ним на корму. Послушала бы, о чем говорят, тебе на пользу пойдет. Привыкать пора, и для учебы неплохо.

– А можно, я в рубку пойду? Я на корабле в первый раз.

– Кора-а-бль! – усмехнулся Олег. – Ладно уж, иди, если Ваня не прогонит. Но тогда будет тебе задание: гляди по сторонам, и как заметишь что-нибудь интересное – сразу мне говори. Не только глазами гляди, понятно?

Романтическая рулевая рубка оказалась полутемной комнатухой.

Даже коридором – примерно метр в ширину, меньше трех – в длину. С одного борта – дверь, и с другого – дверь. На передней стене три окошка – маленькое круглое посередине и квадратные, чуть побольше – по сторонам. Зато перед круглым окошком расположился самый настоящий штурвал: деревянный, с точеными спицами и рукоятками, поблескивающий какими-то золотистыми деталями. Небольшой, но настоящий, точно такой же, как на разных рисунках и «морских» сувенирах.

Вот только не стоял за этим штурвалом этакий «морской волк» в лихо заломленной фуражке и с дымящейся трубкой в зубах. За штурвалом вообще никто не стоял.

Сидевший на высоком табурете больше походил на слесаря из домоуправления, чем на капитана. Лысеющий мужичонка в сером засаленном ватнике, из-под которого виднелась не первой свежести тельняшка. Вместо фуражки капитанскую голову венчала изрядно повыгоревшая кепочка с еле различимой надписью «Речфлот». Морщинистые руки, увитые тусклой синевой татуировок, спокойно лежали на коленях.

Капитан не обращал внимания не только на появившуюся в рубке девушку, но и на реку. Дремал. Или делал вид, что дремлет. Тем не менее катер по-прежнему бойко вспарывал речную воду, уверенно бежал туда, куда было нужно. Или туда, куда он считал нужным.

Пока что, судя по всему, катеру хотелось уткнуться в камыши на приближающемся берегу.

До берега оставалось метров тридцать, не больше, когда Ваня решил вмешаться. Не очнулся от своей дремоты – просто лениво возложил правую руку на штурвал. Деревянное колесо чуть провернулось, и катер плавно отвернул от берега. Из желтовато-бурой стены листьев с истошным криканьем поднялись две утки. Рука на несколько секунд крепко придержала штурвал и вернулась на привычное место.

– Не пугайси, – из под голубоватого козырька сонно блеснул

глаз. – Машинка вумная, сама добежить. Она по ентому маршруту дольше бегаёт, чем ты на свете живешь, и сама все знает. Ты лучше по сторонам поглядывай, как Олег велел.

– А вы что, тоже верхним зрением смотрите? – догадалась Татьяна.

– И верхним, и нижним. Когда захочу. А сейчас надобности нет. Я же говорю – машинка все знает. И я вместе с ней. Тут не город, тут проще. Там кто-нибудь под колеса нырнуть норовит, а на реке сейчас разве что моторка какая проскочит, так ее по шуму...

Ваня не договорил. На стенке возле его колена ожил какой-то серый ящик. Зашуршал, заскрипел, потом трескучим голосом произнес:

– «Ярославец» снизу у Черных Вод, ответьте «Волгонефти»!

Капитан моментально выхватил откуда-то серую трубку, похожую на телефонную. Поднес к уху, попутно приподняв козырек.

– «Волгонефть» – «Рубин»! Левыми расходимся!

– Понял, левыми! Ты, что ли, Вань? «Дозорный» сегодня где, не знаешь?

– Час назад стоял где всегда, за мостом. За старым. А что?

– Да ничего, – рация с присвистом вздохнула. – Должок есть, опять солярку шакалить будет. Ну, бывай.

– Бывай, – Ваня повесил трубку на место. – А так все было приятно...

– Это вы о чем? – не поняла Татьяна.

– Сейчас сама увидишь, – капитан поморщился, словно ему предлагали хлебнуть нашатырного спирта. Потом высунулся в дверь, обернулся к корме. – Прикройтесь, отмашка!

Что такое отмашка, Татьяна спросить не успела. Рука с синим якорьком легла на небольшой пульт, щелкнул выключатель. И тут же визгливый пронзительный скрежет ударил по ушам. Ввинтился, вошел в голову и там взорвался голубым фейерверком. Почему-то слева огней было больше.

Девушка моргнула, хотела потрясти головой – снова ударило и оглушило. Рубка побледнела и расплылась. Татьяна зажмурилась, потом все-таки открыла глаза. Все было нормально, только где-то над головой загудело, треснуло – и левый борт подсветило призрачным белосиним светом, похожим на вспышку электросварки.

– Все, хватит с них, – капитан снова щелкнул выключателем. Вздохнул. – До чего, однако, противная штука. Сколько лет, а все не привыкну. Уже и защиту ставить пробовал... – Ваня махнул рукой и поудобнее устроился на своем табурете.

– А... что это было?

– Мелкие неудобства на наши... Гм-м, не головы, в общем. Во-он с той длинной бочкой расходимся, – козырек качнулся куда-то вверх. Татьяна машинально посмотрела на ближайшее облако, потом опустила взгляд к реке. Впереди, километрах в трех, и в самом деле виднелось какое-то довольно большое судно. – Видишь? Кроме радио, положено и отмашку давать – сигнал то есть, как расходиться будем. Лампа мощная, импульсная. То ли частоты какие-то совпадают, то ли еще что – по верху режет каждый раз, как ножом. Илья – и тот ничего не смог сделать, каждый раз сам закрывается. Не то чтобы опасно, но неприятно, – Ваня внимательно посмотрел на девушку. – Э-э, да ты и на себе проверила! Что, не успела прикрыться? Или не сумела?

– И то, и другое, – честно призналась Татьяна. – Как-то неожиданно все. И противно.

– Противно, – согласился капитан. – А что неожиданно... Эх, девах, если бы все ожидать можно было! Ну ничего, научишься. Погоди, тут повнимательнее надо. Приплыли почти.

Катер прошел между двумя островками, несколько минут скользил вдоль небольшого обрывчика.

– Так, а теперь выйди-ка отсюда. Мешать будешь, – Ваня вскочил

с табурета, встал за штурвал. – Поди к Олегу, только сядь, не маячь. Мне обзор нужен.

Олег Алексеевич вяло приподнял голову, чуть подвинулся. Татьяна примостилась на железке, как кошка на заборе: вроде бы надежно, но и свалиться есть куда. Очень даже просто.

Особенно если этот забор выдергивать. Катер резко качнуло, повело куда-то в сторону. Двигатель заворчал чуть громче. Немного притих, пробубнил что-то еле слышно. Опять коротко прогрохотал, и вдоль борта сердито зашипела мутная пена. Новый рывок, и «ярославец» протиснулся в узкую – не развернешься – протоку. Почти сразу же над головой сомкнулся зеленый с золотом навес – деревья стояли у самой воды, и через протоку дотягивались не только тоненькие веточки, но и солидные узловатые сучья.

Водный коридор посреди леса повернул, еще раз, еще – и внезапно деревья раздвинулись. Почти сразу же нос катера покати́лся влево, заскрипел, чуть дернулся. Почти уткнулся в

берег – глинистый откос с торчащими корнями и небольшими норками. За кормой забурлило, поплыли какие-то ошметки, стебли.

– Приплыли, – Ваня вышел из рубки, нырнул в люк. На корме зашумели, засуетились. Двигатель стукнул пару раз и замолчал.

– Что случилось? На мель сели?

– Нет, просто приплыли. Помоги-ка, сходню выдвинем, – Олег оживился, взялся за длинную доску с приколоченными поперечинами. – Вот так, на верх обрыва... Вот и хорошо! Кстати, задание мое ты так и не выполнила, так что получай наряд вне очереди.

Картошку чистить умеешь?

* * *

Картошку почистили быстро. И мало ее было – а много ли надо на котелок ухи? – и чистить пришлось не в одиночку.

– Нечего тут армейские порядки вводить. Женщине мужик должен дарить наряды, а не назначать.

– Так то своей... – попробовала пошутить Татьяна и тут же снова занялась картошкой: слишком уж свирепо блеснули очки собеседницы.

– Какая разница, чьей! Тем более, если чужая! А если разобраться, то с ученицей надо быть вежливее, чем с родной дочкой! – тяжелый охотничий нож дважды перечеркнул блестящие бока картофелины, желтоватые куски плюхнулись в воду. – Дочка никуда не денется, пока замуж не выйдет... да и потом тоже. Все равно и любить будет, и воспитание с малых лет идет. А сейчас злости тебе добавь – вот она вместе с наукой и останется. Где-нибудь прорежется потом. Ты кем хочешь стать?

– Не знаю еще. Пока что Олег Алексеевич только самому простому учит.

– Это и без него могли бы. Учитель из него... Командиром быть – это он запросто, а педагог никакой. Можешь поверить, я пятнадцать лет в школе. Высшая категория.

– Вы... учительница?!

– А что, совсем не похожа?

– Нет, почему же...

Со своими школьными учителями Татьяна рассталась каких-то три месяца назад, и до сих пор немного робела перед ними. И вообще перед преподавателями – даже молодыми. А сидевшей рядом с ней женщине явно было за тридцать. Это если по человеческим меркам.

На самом деле, наверное, больше – до сих пор не получалось сразу узнавать возраст Древних. Впрочем, если в школе пятнадцать лет работает, то вряд ли больше сорока.

Обычная женщина, выглядящая на все свои годы – не больше, но и не меньше. Чуть полноватая, с короткой стрижкой. На плечи накинута выдавшая виды куртка-ветровка, настолько выгоревшая и застиранная, что и цвет не разобрать. Большие очки на переносице. Почему-то эти очки не давали Татьяне покоя: казалось бы, Древний Народ со всей своей магией мог бы и зрение исправить... если вообще оно у Древних может испортиться. Или верхнее зрение может помочь при близорукости? Надо будет потом у Олега Алексеевича спросить.

– Простите, Любовь... – сразу захотелось назвать по имени-отчеству. Неудобно как-то на «ты» с учительницей.

– Васильевна. Но вроде бы договаривались, что просто Люба? Вот давай так и продолжать. Заодно и про картошку не забывай. Что хотела спросить?

– А что вы преподаете?

– Историю мировой культуры, во второй гимназии. До этого – музыку, я и сейчас студию веду, – в котелок отправилась еще одна четвертованная картофелина. – И сейчас ты спросишь, кто я у Древних. Угадала?

– Угу, – нож Татьяне достался острый, как бритва, но слишком длинный. По крайней мере, для такого ответственного занятия, как чистка чего-нибудь. Выковыривание же глазков превращалось в сложную операцию, в ходе которой нужно было ухитриться не откромсать половину чего-нибудь – или картошки, или пальца. Хорошо хоть глазки эти были неглубокими.

– Думаешь, знахарка, колдунья или еще кто-нибудь в том же роде? Не-ет, милая. Это муж у меня специалист, и сына учит. Меня тоже пробовал научить – я начала было, а потом отказалась.

– Почему?! – от удивления Татьяна чуть не отхватила себе половину ногтя. Нож скользнул вдоль пальца и с мокрым хрустом снес верхушку клубня.

– Осторожней, порежешься. Отказалась, потому что не всем нужно этим заниматься. Даже если получается, не нужно. Я уж не говорю, что не надо бы никому в такие дела лезть, не для людей это.

– Но вы... Мы же не совсем люди. Так ведь?

– Может, и так, – Люба тяжело вздохнула. – Хотя это еще с

какой стороны смотреть. Я вот себя человеком чувствую. Просто каких-то способностей больше, каких-то меньше. Вот с верхним зрением у меня не очень получается, зато настроение хорошо чувствую – и у людей, и в природе. Только не вижу, а слышу. Выше или ниже, тише или громче. Вот в лесу – там музыка, и здесь тоже, а в городе иногда такой скрежет, что голова болит. Одно спасение – жить по-человечески, тогда меньше воспринимаешь. Все, хватит картошки. Дай-ка луковицу, там возле тебя пакет лежит, черный. И сходи-ка, потревожь наших рыбаков, скажи, что у нас все готово. Если хотят уху – пусть ловят, а не забавляются.

Рыбаков было трое. Олег с Ильей азартно швыряли блесны вдоль камышей, а с кормы катера грустно глядел на поплавок капитан

Ваня. Татьяна недоуменно повернулась к учительнице:

– А почему вы думаете...

– Не думаю, а просто знаю. Хотели бы рыбешки наловить – уже по полному ведру было бы. Не в первый раз с ними. Им, понимаешь ли, тоже хочется по-человечески пожить, хотя бы на рыбалке. А по-нашему рыбачить – это неспортивно. Ладно, сейчас сама схожу, поговорю с ними.

Люба тяжелой поступью пошла к берегу. Что она говорила, слышно не было. Только блеснула над бородой улыбка Ильи и смущенно поправил кепочку капитан. Олег просто кивнул, еще раз взмахнул удилищем, покрутил ручку катушки – и по речке раскатился гулкий удар. Длинное зеленое тело выпрыгнуло из воды, боком плюхнулось обратно, рванулось – пластиковый прут в руках Олега согнулся крутой дугой. «Да не возись ты с ней, глуши сразу!» – донесся женский голос. Илья махнул рукой и отвернулся, пошел к катеру.

Через несколько минут Люба вернулась к костерку. В одной руке – ведерко, пальцы другой цепко впились в глаза щуки. Пасть судорожно подергивалась у самого плеча учительницы, а хвост молотил траву и время от времени сочно шлепал по мокрой штанине.

Чуть ниже колена.

– Вот видишь, могут же, если захотят!

– Это... что? – Татьяна не сразу пришла в себя. Зеленое чудище шлепнулось поодаль от костерка, запрыгало в пожухлой траве. – То есть они с самого начала могли поймать?

– И я тебе о том же, – Люба вздохнула. – Как молодых учить, так сразу – другое мышление, смотрите на мир иначе, вы теперь не те, что раньше... А как сами до удочек дорвались – так сразу же дайте им без этого пожить, дайте по-прежнему подумать и на мир посмотреть!

– Может, им самим от этого всего отдохнуть хочется?

– Отдохнуть? – учительница ловко перехватила нож, ударила по щучьему черепу – раз, другой. Хвост задрожал, вяло махнул напоследок и замер. – От чего отдохнуть, Таня? От

жизни? Если это наша жизнь – от нее не устанешь, просто будешь так жить. И не задумываться, почему именно так. Тебя ведь этому учат, правда?

Татьяна не ответила. Посмотрела еще раз на берег – Олег складывал спиннинг, что-то недовольно высказывая Илье. То кивал, соглашался, но глядел при этом не на собеседника. На дубовую рощицу, рыжевшую осенними листьями у дальнего поворота протоки. Не нравилось что-то Илье в этой роще – а может, просто чего-то он ждал от этих дубков.

Олег почувствовал взгляд, обернулся. Не торопясь, шагнул к катеру, положил снасти на палубу. Пошел к костру, по пути сорвал пучок травы – руки вытереть.

– Ну и как у вас дела? Как картошка, как рыбка?

– Ненастоящее это все, – неожиданно для себя самой выпалила Татьяна.

– Ничего себе! – глаза старика полезли под седую шевелюру. – Что тут ненастоящее? Картошку на рынке брали, щучка вот...

– Вы же знаете, что я не об этом!

– Знаю. А ты не злишь, не злишь. Или хотя бы учись свою злость прятать, – Олег неожиданно помрачнел, искоса посмотрел на Любу. – Так что у нас тут не настоящее? И почему?

– Все это, – девушка кивнула на катер, потом в сторону котелка. – Весь этот пикник на берегу, отдых на природе. И вообще... все.

– Вообще-то все вокруг настоящее. Не веришь – засунь палец щуке

в пасть, пощупай зубы. И природа настоящая, и пикник. Уха должна быть настоящая – если получится, конечно. Я вот давно так не отдыхал, честное слово. Очень давно. А что не только отдыхаем – это ты должна была еще раньше заметить. Для того и задание давал, да ты сама просмотрела все. Учись, привыкай, теперь у тебя все с изнанкой – вот и приучайся ее видеть. А пока – ладно уж, покажу. Пошли. Любовь Васильевна, одна управитесь?

– Справлюсь, – учительница пожалала плечами. – Если что, еще два помощника есть.

– Тогда пошли, – повторил Олег и, не оглядываясь, зашагал к рощице.

Татьяна поплелась следом. Запоздало попробовала взглянуть в дубки верхним зрением – и ничего не поняла. Дубы как дубы, роща как роща. Единственное, что отличало это место от любого соседнего перелеска – зыбкое зеленоватое марево у самой земли. Такое уже приходилось видеть, и не раз. Летом. Летом – а сейчас осень!

Додумать эту мысль не удалось. Из куста на опушке поднялся молодой парень в пятнистых штанах и жилете с множеством карманов, накинутом на голое тело. Весьма мускулистое тело, кстати. Олег молча кивнул, и паренек шагнул в сторону, пропуская пришедших. Жилет колыхнулся, и на загорелой груди Татьяна успела увидеть небольшую татуировку – скорпион с какими-то цифрами над спинкой. И ниже – короткая надпись, но вот разобрать ее не удалось.

Парень весело подмигнул и пошел следом. Где-то его Татьяна уже встречала, но вот где именно – хоть режь, не вспомнить. На катере его не было, это точно.

– Ну вот и пришли, – Олег остановился, и задумавшаяся девушка чуть не уткнулась носом в плечо старика. – Дальше ходить незачем, и отсюда все видно. А мешать не будем.

Сначала Татьяна не различала ничего, кроме переливающейся тени дубовых ветвей на небольшой полянке. Попробовала присмотреться по-другому – голова закружилась от всплесков зеленого огня и желтых сполохов. Зажмурилась, потом снова открыла глаза. Наконец удалось разглядеть на дальней стороне поляны человека в стареньком джинсовом костюме. Даже узнала – он-то на катере был. Муж учительницы Любы. Виктор, кажется. Как причалили – подхватил сумку и пошел «за последними грибами», а с ним и еще четверо пассажиров. Интересно, а они где? Не видно. А смотреть верхним зрением Татьяна больше не хотела.

Виктор был занят отнюдь не грибами. Он стоял с закрытыми глазами, чуть приподняв руки, и дирижировал невидимым оркестром.

Осторожно, без резких взмахов. Тихо. Очень тихо. Бесшумно.

– Что он делает? – прошептала Татьяна Олегу в спину.

– Место лечит, – ответил тот чуть громче, но все-таки вполголоса. – Вон, посередине кострище видишь? А теперь вокруг посмотри.

Кострище она заметила только теперь. Приглядевшись, заметила и то, что было вокруг: какие-то серые линии, словно выгоревшие в прошлогодней листве... Выгоревшие?! Татьяна отшатнулась, снова налетела на плечо – на этот раз молодое и крепкое. Тут же вспомнила, где она видела этого парня – там же, где и сама чертила на земле такие же линии, складывающиеся в аккуратную, очень правильную фигуру.

– Узнала рисунок? – в голосе Олега не было ни насмешки, ни какого-нибудь интереса. – Только здесь не один человек был, а компания. Тоже, впрочем, любители приключений. Повеселились, похулиганили, а убирать нам. Праздник у них был, видите ли, день Дагона. Хорошо хоть без крови его отмечают, не так загадили все. Да и место спокойное, возле города хуже было бы.

– Вы и после меня так... лечили? – догадалась Татьяна.

– Не совсем так, но похоже. Ты по-другому набедокурила. Пожалуй, хуже, чем здесь. Эти-то своим делом были заняты, а ты все вокруг раздергала. Здесь просто – помочь немного, и лесок все сам затянет, еще до морозов. Только зола останется. Так что это и в самом деле отдых, ну, и уборка между делом. По осени нужно такие мелкие помойки убирать, чтобы к зиме чисто было.

– А большие помойки есть? И где?

– Э-э, чего тебе захотелось! Бывают и большие, и такие, что вовсе не уберешь. Только там гулять незачем, и пикник рядом не устроишь. Там серьезная работа, но пока – тьфу-тьфу – давненько не видывали. А лучше вообще не давать гадить по-крупному, только не всегда получается.

– Как тогда, возле города?

– Как тогда, – хмуро кивнул Олег. – Там как раз такое, что век не уберешь.

– Олег Алексеевич, а все-таки: что тогда было? Вы обещали рассказать, и все время – в другой раз...

– И на этот раз не расскажу.

– Но почему?! Не вовремя? Или такой большой секрет?

– Не секрет, просто не хочется вспоминать. Да и не поймешь ты пока всего. Вот научишься всему, что нужно, тогда и расскажу... может быть. Или кто-нибудь другой расскажет. Знаешь что, – Олег поднял сухую веточку, повертел в руках, потом с хрустом переломил. – Подойди с этим к Илье. Попроси рассказать – он тоже все знает. А если будет ко мне отсылать – так ему и передай, что мне вспоминать не хочется. Ну все, посмотрела на настоящее? – голос Олега неожиданно изменился. Словно и не было только что мрачного взгляда и тяжелого дыхания, не сходились седые брови. – Тогда пошли обратно. Наряд вне очереди я тебе не отменял, после обеда котелок помоешь. Гриша, закончите здесь – долго не бродите, уха остынет!

ГЛАВА 5

Мир грохотал, трещал и сотрясался. Время от времени он еще и кренился, и тогда в маленьком квадратном иллюминаторе показывались то лохматая грива близкого леса, то бетонные коробки города. Впрочем, Андрею было не до вида из окошка. Гораздо больше его занимали приборы и дрожащая на крохотном столике карта.

– Захожу на цель, – раздалось в наушниках сквозь треск и рокот. – Высота сто, до цели пятьсот... Четыреста пятьдесят... Четыреста...

Андрей плотнее прижал к горлу кожаные мешочки ларингофонов:

– Скорость чуть сбрось, быстро идешь. Курс?

– Двести семьдесят. Скорость сбрасываю до двадцати. До цели триста... Двести пятьдесят... Двести... Сто пятьдесят... Сто...

– Зависни! – выкрикнул Андрей. На экранчике одного из приборов

заплясали цифры. Вертолет задрожал сильнее, и прибор словно

испугался такой крупной дрожи. Цифры замерли. Но на каком

значении, черт побери! За несколько секунд от робких одного-двух

десятков они дошли почти до трех сотен. На карте появилась

крупная точка с прыгающей надписью: «286». Таких точек было довольно много, но трех-значная надпись появилась впервые. До этого рекорд был шестьдесят три... – Дальше, самым малым! Ниже можешь?

– Не могу, ЛЭП мешает. Все, пополз! – качнуло, цифры опять начали меняться. – До цели семьдесят... Пятьдесят... – на приборе заканчивался отсчет третьей сотни. – Сорок...

Тридцать... Мать!!!

Андрея мотнуло из стороны в сторону, повело по кругу. Шлем чиркнул по какому-то углу, под рукой смялась в гармошку карта. Рокот изменился, вертолет застонал и завалился на бок. Потом нос машины пошел вверх, стон сменился сердитым ревом, да и тот постепенно становился все тише, спокойнее.

– Все, можешь менять штаны, – наушники тяжело вздохнули. – Отходим от цели.

– Что случилось?

– Хрен его знает. То ли поток какой-то, то ли мать его

перетак... Просели, чуть провода не зацепили. У тебя как, наука? Все цело? Посмотрел, что нужно?

– Заходи еще раз. Курс тот же, скорость, высота – те же.

– Рехнулся? – поинтересовались наушники. – Второго выхода не гарантирую. Там киловольт двести, учти!

– Двести пятьдесят. Заходи еще раз. Мы не прошли над целью.

– Давай я тебе вдоль ЛЭП зайду. Хоть пять раз подряд.

– Боевой курс – двести семьдесят, высота – сто, скорость та же, от ста... нет, от ста двадцати – ползком. Как можешь.

– Твою мать, наука! У тебя семья есть?

– У меня приказ, у тебя тоже.

– У меня приказ тебя возить, а не сдуру гробиться! Завтра пройдем. Может, этого потока не будет.

– Сейчас.

– Твою перемать! Все, уходим домой. После такого надо машину проверить.

– Проверишь. Пройдешь еще раз и проверяй, сколько влезет. Но сейчас ты зайдешь на цель, понял?! Я тут не на карусели катаюсь! Приказ напомнить? Дословно?!

– Иду на повторный заход, – трудно было не угадать по голосу все, что летчик думает о своем пассажире. Плевать. Плевать на его нервы. Ему бы показать то, что успел заметить Андрей на приборе, когда их мотало и трясло. Да еще и объяснить, что к чему. Жаль, что нельзя. Не положено. Хороший парень этот пилот. Воевал опять-таки. Но знать, что именно они здесь измеряют, ему совсем ни к чему. Пусть думает, что радиацию или химию. Подписку дал, но если не знает – еще надежнее.

– До цели триста... Двести пятьдесят...

Андрей выглянул в иллюминатор. Вот и ЛЭП. Цели не видно, она по курсу. Все, некогда – прибор!

– Сто пятьдесят... Сто двадцать... Сто...

Опять бешенная пляска цифр. Переключить! Вот никогда не думал, что придется этот диапазон использовать.

– Пятьдесят... Сорок... Тридцать... – вертолет качнулся, задергался. Припадочный, наверное. – Прошли ЛЭП, двадцать... – голос хриплый какой-то. – Десять... Цель!

– Дальше! Курс, скорость – те же! – выкрикнул Андрей. Точки он уже не ставил, просто торопливо записывал на краю карты показания прибора. Растущие. И за целью – растущие!

– Как теперь счи... – летчик не договорил. Вертолет трянуло, что-то звонко щелкнуло и зашипело с присвистом. Серый экранчик заполнился восьмерками и погас. Мигнул и пропал красный огонек на панели. В следующее мгновение кресло попыталось выскользнуть из-под Андрея, ремни придавили плечи. Почти сразу же со страшной силой ударило снизу. Боль проскользнула от поясницы к затылку и огненной струей хлестнула под череп. Потом все вокруг начало переворачиваться и темнеть. Почему-то темноту рассекали серо-зеленые молнии. «Как краска на борту», – успел подумать Андрей, прежде чем молнии погасли и пришла тьма.

* * *

– В лес мне пора, Саша. Старею я, на этот раз совсем старею. Устал.

Александр не удивился. Привык. То ли мысли совпадают, то ли Олег их угадывает. Читать точно не может – особенно теперь.

– А город на Илью оставим?

– Почему бы и нет? Он у нас мужик крепкий, все, что надо, знает.

Попомни мои слова – уйду на покой, его на мое место выберут.

– Так может, мне сразу к нему идти? – Александр привстал на стуле.

– Сиди уж, раз пришел. На вот, перекуси с дороги, – на столе появился пакет с пряниками. – Или тебе чего еще сообразить? Картошку, макароны?

– Не надо, хватит. Я ужинал.

– Перед тем, как в город въехать? – уточнил Олег и неодобрительно покачал головой. – Эх тебя, парень, развезло. В руках себя держать нужно, в руках. Давит тебя или тошнит, а в любой обстановке ты должен быть как огурчик. И при необходимости таким же огурчиком закусывать. Если уж просто в городе немоготу, представь, что с тобой будет...

– Что у вас тут? Случилось что-то или только намечается?

– А ничего пока не случилось. Ровным счетом ничего, – Олег хитро прищурился. – Местные проблемы. Вот о чем они говорят и что из них может вырасти – это как раз ты мне должен ответить, ведун.

– Обязательно. Как разберусь, так сразу и скажу. Но если хочешь побыстрее – лучше нам не ходить вокруг да около. Свое расследование ведь уже провели, точно? Опять какая-нибудь компания сверх нормы похулиганила?

– Расследование... Ну ты загнул. Да нечего там расследовать, говорят тебе! Пробовали уже. Лес прочесали, нашли поляну, где эта компания отдыхала – и опять ничего. Хотя зола еще теплая была. Посидели люди у костра, чай попили и разошлись. Даже костерок аккуратно загасили. Один только заблудился. Судя по всему, из них, но кто там был, что делали – не говорит. И у него следов никаких, разве что от обуви.

– А как он заблудился, выяснили?

– Лес его завел. Сам по себе, ни с того, ни с сего. Чем-то не понравился парень.

– Так может, это он и есть? Тот, кто все это натворил?

– Нет. Это, скорее всего, с ним так же. На него показали или метку какую-нибудь поставили. А дальше уже лес сам справился. Просто, правда? Даже изящно, леший их побери! Никакой траты энергии... Ну, почти никакой. Своих следов – тоже нет, не сами водили. Не проклятие, не заклятие, не сглаз и тэ дэ.

– Погоди, погоди! Ты сказал – метку поставили?

– Если и была, то или она исчезла, или нам ее не видно.

– Но хоть какие-то следы должны были сохраниться?

– Ты что, в самом деле не понял?! Хотя да, тебя же Иваныч толком ничему не научил. И потом упустили, не это главным посчитали. Ладно, придется сейчас объяснять. Как ты думаешь, что лесу помогает одного человека от другого отличать?

– Что-то вроде нашего верхнего зрения, наверное. Биоэнергоинформационный отпечаток.

– Ого, как загибать умеешь! Почти угадал. Но только почти. Ну хорошо, есть этот самый отпечаток. Так что же, его по всему лесу за человеком передавать? Как портрет преступника? Если, допустим, нагадил в одном месте, а ведет его за десяток километров?

– Не обязательно... Все, понял, признаю свою ошибку, лежащего не бьют! Если и была метка, то ее уже не отличить, так? То ли ее лес поставил, то ли для леса?

– Точно. Можно, конечно, разобраться, да вот только времени не было. Не вязать же этого парня, не сидеть с ним три дня и три ночи! А так вот сразу – не понять. Да и не это важно. Ты лучше подумай, кто у нас мог бы такое сделать, а? И сколько времени бы потребовалось?

Немного помолчали. Александр глядел на остывающий чай и вертел в пальцах пряник. Потом так же механически начал подбрасывать.

Взлет – шлепок о широкую ладонь. Взлет – шлепок. Взлет – шлепок. Наконец вместо следующего шлепка раздался короткий сухой хруст. С ладони на пол посыпались крошки.

– Не нравится мне это, Олег. Слишком легко получилось, слишком

быстро лес ответил. А ведь никто из наших не учуял, верно ведь? И никаких следов.

– Это еще не все, Саша, – под тяжелым взглядом хозяина крошки заскользили в угол, прижались там небольшой горкой. – Ты у нас недавно. Много узнал, да кое-что надо почувствовать. И на шкуре, и вообще. Не человеческое это. Не умеют этого люди, не дано им. Вот так, чтобы с лесом договориться... Никогда не было. На моей памяти – точно, да и другие не слышали. Человек это тоже смог бы, но по-другому. Силой своей, Словом, подчинением леса – бывало. Так, как на этот раз – нет. Нету сейчас никого, кто так умеет. И при этом еще и силу такую накопил. Из наших – нет, точно знаю, а из людей – и быть не может.

– Однако вот нашелся же умелец. И именно на нашу голову. Везет городу на чудеса в последнее время!

– Везет, – кивнул Олег. – И все они друг за друга цепляются.

– Хреново.

– Точно.

Помолчали немного. Действительно хреново. Ожидали, что много будет работы, но вот что столько и такой – никто и не мог угадать. Не думали, не гадали, никак не ожидали такого

вот... Пусть не конца, а продолжения, но все же, все же... Никакое ясновидение и предсказание не помогло.

Сначала казалось, что обойдется. Ну, работы хватало, конечно же. После каждой катастрофы идет ликвидация последствий. Тут уж ничего не поделаешь – кроме того, что в этот момент от тебя требуется. Потом наступила передышка. Тогда она казалась победой. Тогда – это три года назад. Даже три с половиной.

Передышка кончилась быстро. Года не прошло. А может быть, и не было ее, этой передышки, а просто все устали и не заметили, как все изменилось. Искали нечисть, колдунов и прочую чертовщину, а на обычную жизнь не обратили внимания. На простых людей.

Ну, что сказанное от всей души имеет обыкновение сбываться, это не новость. Особенно если что-нибудь нехорошее в сердцах пожелать. Не ногу человек сломает, значит, колесо у машины отвалится. К такому привыкли, и людей с выдающимися достижениями в этой области соседи издавна сторонились. А Древние не видели в них ничего необычного. Оговор, сглаз, проклятия – на это ни силы, ни умения не нужно. Вот поправить...

Не видели необычного. Поэтому и проглядели. Сбываться начало все чаще. И у патентованных-дипломированных шарлатанов кое-что начало получаться всерьез. И вообще способности по части магии и всякой экстрасенсорики начали проявляться все чаще, да такие, что телевизионные чудодеи померкли и забылись.

Впрочем, и без того о них никто уже и не вспоминал, кроме старушек во дворах. Когда учебники и пособия по магии всех цветов лежат на любом книжном лотке, а для экстрасенсов открыты специальные магазины и клубы-библиотеки – чем еще удивить народ? Разве что высадкой инопланетян на Красной Площади. Да и тогда – поговорят в очередях и трамваях, выскажут крепкое рабоче-крестьянское мнение по поводу окончательно погибшей противовоздушной обороны – и разойдутся по своим делам. Потому как инопланетной гуманитарной помощи в ближайшие дни не предвидится, а семью кормить нужно.

А чем удивить человека... извините, Древнего, который несколько месяцев подряд гоняется за нечистью? Который и во сне поддерживает над собой невидимый для обычного глаза купол-вихрь защиты? На глазах которого не бабушка соседке молоко сквасила, а десяток колдунов намередвался конец света устроить – и без малого преуспел?

Видно, что-то опять упустили. И начали меняться люди. Надо же – игрался и придумал!

– Это, в общем, не первый случай. Но раньше были в основном более-менее взрослые люди. Могли где-то увидеть, у кого-то научиться. А нынче вот – пацан. И теперь точно сам по себе, – Олег встал, налил себе воды из крана. Выпил залпом. – Вот оно как получается, Саш. Здесь таких самоучек все больше и больше. Сейчас только об этом и говорят, спорят, что к чему и почему. Скоро Большой Совет, там вообще ни о чем другом речи не будет. Ты представляешь себе, как это все может кончиться?

– Пробовал представить. Еще тогда, когда про Пермьяка и его идеи узнал. Ты же мне и объяснял, что может быть. Неконтролируемое применение, охота на ведьм, магические войны – и так далее, вплоть до полного хаоса и всеобщего сумасшествия. И мы свихнемся первыми.

– Где-то так, хотя тогда с другого началось бы и по-другому пошло-поехало. Да-а-а, был бы жив Пермьяк, посмотрел бы... Может, и порадовался бы. Ладно, не будем о мертвых на ночь присниться еще. Тем более что и время нынче как раз подходящее.

– То есть? – брови Александра поползли вверх.

– Эх ты, лесной житель! Совсем счет времени потерял? Какое нынче число?

– Вроде бы двадцать... Погоди, вспомнил! Блин, послезавтра уже Самэйн!

– Он же Хэллоуин, – Олег ухмыльнулся. – Тебе-то и вовсе забывать грешно. Ну, ну, не кипятись! А не можешь сдерживаться – хоть про маскировку не забывай. Отсвечиваешь, как доменная печь. Я тебе не в упрек и не для давления на старую больную мозоль.

Александр мрачно разглядывал блестящие широкие чайники, колыхавшиеся на дне, словно водоросли. Да, мозоль действительно больная. И не такая старая, как хотелось бы. Может быть, именно поэтому не хочется лишний раз вспоминать, что бывает в ночь на первое ноября. И что вообще есть такой древний праздник. И что каждый его празднует по-своему. Ну и черт с ними. Хотя...

– Вспомнил? А ты что думал, ты мне понадобился, для разговора под чай? Я бы тогда к тебе сам приехал, приятственно у тебя там, приятственно, и весьма душевно... Это-то и плохо. Засиделся ты в своем лесу, засиделся, надо тебя на пару месяцев оттуда выковырять. Ладно, не пугайся, маленько вспомнишь старое, поработаешь – и обратно в берлогу. Но не надейся, не навечно. Дел тебе хватит, тут столько гадости – лопатами не разгребешь...

– Олег, с тех пор вроде бы все спокойно проходило. Неужели опять за свое взялись?

– Спокойно, говоришь? Это уж смотря с чем сравнить. А вообще-то ты прав, полегче было. Кошек жгли, кур резали – не в счет, дурную малышню всю не переловишь. Тут не столько старые традиции, тут самостоятельности опять прибавляется. Что, в общем, неудивительно, только что мы с тобой об этом говорили. Кто обереги делает, а кто пентакли перевернутые в подъездах рисует – причем, заметь, тоже по всем правилам. Так что на этот раз Михаил попросил помочь. Боятся, что у него просто бойцов не хватит, чтобы за всем проследить. Дело добровольное, как субботник: никого персонально не зовут, но пойдут, я думаю, почти все.

– А что делать-то надо? На ведьм охотиться? С ружьями или без?

– Можно и с ружьями, – на лице Олега не было и намек на улыбку. Жесткое стало лицо. И глаза жесткие, как полированный гранит. – Но не всем. Милиция у нас тоже по ночам не спит, так что человеком с ружьем заинтересуется обязательно. Оружие будет у Мишиных ребят, они у нас по плану сидят и ждут сигнала. Или ездят на машинах.

– Мобильная опергруппа.

– Точно. А все остальные – патрулируют. В основном вокруг города. Если что-то серьезное и будет, то скорее всего именно там.

– А если опять – в одном месте ждем, а в другом начали?

– Вот для того и субботник, чтобы ждать сразу везде, где только можно. Вообще-то народа набралось достаточно, но лишним не будешь. Подготовка есть, опыт тоже.

– Какая там подготовка, – махнул рукой Александр. – Воин из меня сейчас, как из... Никакой, в общем. Сажу в лесу, смотрю на пупок и размышляю – вот и вся моя тренировка. Если тебя последствия шабаша интересовать будут – запросто, а что-то сделать – только под ногами путаться буду. Уже подзабыл и то, чему в армии учили.

– Это ты зря на себя наговариваешь, Саша. Тебе не зубы ногой вышибать... хотя, может, и это пригодится. А вот почуять, где что затеяли – тут ты ценнее любого бойца. Особенно из последнего набора, – Олег скривился, словно этот последний набор угощал его лимонами. – В общем, если пойдешь, то выбирай: или сидишь и чуешь, где что, или ходишь по лесу.

– А почему «ходишь»? Я лучше на Гривне.

– Ты-то на Гривне, а остальные на чем? Не один пойдешь, вдвоем, самое меньшее. Да и ночью на своих ногах надежнее. Мало ли что – по кустам придется прыгать, в овраги скатываться. Забыл, какой у нас тут лес? То вверх, то вниз. Это тебе не Рябиновка с одной речкой и тремя оврагами, здесь ты ни своих костей не соберешь, ни лошадиных. Или вообще разучился пешком ходить? Тогда сиди и держи связь.

– Не разучился, пойду. Уговорил. Ты лучше скажи, кого мне в напарники дашь?

– С этим ты не ко мне, а к Мише, он нашим войском командует, на нем и вся процедура. Завтра с ним поговоришь, пожалуешься на сидячую жизнь. А сегодня – давай-ка на боковую. Я с этим зимним временем никак в режим не войду, да и вообще уставать начал. Старость – не радость... А ты, молодой, досыпай недоспанное и высыпайся про запас.

* * *

Под вечер похолодало, и в оврагах начал копиться белесый туман. Густел, набухал, переливался через край и расплзался среди кустов. Летом – обычное дело в этих краях, а вот осенью сырая мгла чаще появляется по утрам. Конечно, верхнему зрению туман не помеха, но по сырому лесу ходить не так уж приятно. И звук дальше разносится, и не поймешь, откуда. Тебя слышат, ты слышишь, а где кто – не разберешь. И вообще, верхнее зрение – хорошо, но все чутье сегодня нужно для другого.

– Вот же черт, затягивает все, как...

– Не поминал бы к ночи, Тарас. Особенно к этой.

Высокая фигура в темно-зеленом камуфляже отмахнулась:

– Да ладно, я просто к слову! Сейчас тут есть кому и посерьезнее помянуть.

– Вот поэтому и помалкивай. И вообще, не трепись попусту. Не на проспект вышел.

Тарас скептически хмыкнул, но все-таки решил прислушаться к совету. Напарника дали не такого простого, чтобы не обращать внимания на его слова. Кому-то досталось по двое-трое мирных граждан, за которыми присматривать нужно, а этот сам командует. Причем по делу ведь, ничего не скажешь.

Напарник повел носом. Прислушался к чему-то. Поморщился.

– Паршиво. Фон большой, не чую почти ничего. Пошли налево.

Налево так налево. Ведун лучше знает. Самому Тарасу, например, было совершенно все равно, куда идти. Слева склон был покруче, да и кусты не слишком приятные на нем росли, но это дело привычное. За ночь придется пройти не один десяток таких мест. Если только по тропинкам патрулировать – ходить будешь быстрее, шуметь меньше, но много не увидишь.

Если бы через эти кусты пытался пробраться обычный горожанин... Впрочем, и не пытался бы. Просто не пошел бы здесь. И на мокрых листьях не стал скользить. Протопал бы там, где все нормальные люди ходят – пусть даже крюк получается без малого километровой. А здесь не люди ходят. Вот кабаний след, а вот тут пара зайцев проскочила. Совсем недавно – верхним зрением Тарас успел заметить быстро гаснущую серую полосу. Звери здесь ходят. И Древние.

Александр пробирался через кустарник первым. Дело привычное. Это, конечно, не коренной лес. Так, лесопарковая зона, деревьям лет по тридцать-сорок. Но после города – отдых души. И нервов. Прав был Олег, знал, куда поставить. Там, среди серых коробок, не до чутья. Все силы на себя приходилось тратить. А здесь и чего не заметишь, подскажут. Здесь все свои. Насколько – этого даже Тарасу не понять. Ломится за спиной, трещит. Для человека почти бесшумно идет, а вот для Древнего – плоховато. Засиделись ребята, из машин да с асфальта редко выбирают. Надо будет завтра Мише сказать, чтобы подтянул...

Тарас чуть не ткнулся носом в спину напарника. Замер, увидев вскинутую руку. Через мгновение ладонь дважды чуть качнулась вправо.

Скользнули тенями вверх по склону. Поднялись на гребень. Теперь и Тарас мог уверенно показать то место, к которому они подкрадывались. Тут уже ни слова, ни знаки не нужны. Работа. Каждый знает, что ему делать. Хорошо, когда напарник прошел ту же подготовку, что и ты. У того же учителя. Все понятно. Или почти все. Сочетание ведуна и воина – дело не то чтобы неслыханное, но не такое частое, чтобы с ним раньше приходилось встречаться. Теперь Тарас оценил все его преимущества. Даже мысль мелькнула – а может, самому попробовать?... Тут же отогнал – не время думать о будущем. Есть настоящее, есть цель – вот она. Темное пятнышко, неуверенно колышущееся среди леса. Пока что неуверенно, но постепенно набирает силу, темнеет, уплотняется.

Когда можешь сосредоточиться на каком-нибудь определенном месте, почуять происходящее становится намного легче. Пятнышко собралось в несколько сгустков. Человек шесть или семь, вряд ли больше. Один чуть потемнее – скорее всего, главный. Искорка костра. И еще что-то, чего Тарас сейчас различить не мог. Что-то или кто-то. Отдельно от всех, но с ними вместе. Испуганный или недовольный. Собака, кошка? Человек чувствовался бы лучше, мощнее – даже без сознания.

Остановились. До темного пятнышка – метров триста. Ближе пока подходить не стоит – даже если не увидят и не услышат, могут почуять. Компания собралась наверняка не простая, простые люди сейчас по домам сидят. Даже если у костра собрались сопляки-кошкодавы, рисковать незачем. Не собой рисковать. Спугнуть можно.

А если действительно пугнуть? Заставить убираться из леса, вернуться по домам? Большого-то сегодня и не требовалось. Разогнать, помешать, по рукам отшлепать, чтобы не лезли куда не надо. Тарас посмотрел на своего напарника – как он?...

Лучше бы не смотрел. Всякое приходилось видеть. Бывали зрелища и пострашнее. Но все равно неприятно. Тем более что из-за темноты и тумана обычным зрением удавалось различить только мутный силуэт, серое расплывающееся пятно. Пришлось смотреть поверху.

Нет, с маскировкой все было нормально. Никто и не заподозрил бы, что в кустах притаился человек. Бледные красноватые всполохи не в счет, их и зверек испуганный может породить. Вот только зверь, припавший к земле в нескольких шагах от Тараса, сам мог напугать кого угодно. Вот так в старину, наверное, и появлялись сказки про оборотней. Кто-то из сказочников тоже мог поверху посмотреть. Только что был человек – и вот уже волк. Огромный. Шерсть отсвечивает бледно-зеленым, топорщится на загривке. Глаза посверкивают – только не зелено, как у настоящих волков, а кроваво-алым пламенем. Когти тихо скребут землю, оставляя среди разрытых листьев полосы синеватого блеска.

– Саша, ты что?!

Волк ощерился, обернулся на шепот – и растаял. Обычное зрение различило шевельнувшуюся тень. Человеческую. Александр возник из темноты, зашептал в ухо:

– Этих нужно брать живьем. Не пугать, не гонять, понял? Брать.

Хочу на сволочей поближе полюбоваться, в глаза посмотреть.

– Так пошли сейчас, – Тарас все еще не понимал, что заставило напарника... именно озвереть, иначе не скажешь. – Или давай сразу возьмем и поговорим. Думаешь, не справимся?

– Сейчас отвертятся. Сидят у костра, разговаривают, и что ты им скажешь?

– Да в чем дело-то? Что ты там такое разглядел?

– А ты не разобрался? – Александр покосился удивленно, потом отвел взгляд. – Может, оно и к лучшему, что не понял еще. Спокойнее работать будешь. Ты только одно запомни: нам опаздывать нельзя. Как только они свой шабаш начнут – хватаем, понял? Живьем берем, живьем. Всех, – зубы ведуна скрипнули. – Я с ними со всеми поговорю. Долго и со вкусом.

– А если разбегутся?

– Тогда ты мне хоть одного поймай. Лучше всего – главного. Все, поползли на исходные, они там треп закончили. Я справа. Сигналов не будет, сам увидишь, когда начну.

Вообще-то начинать, да и всю работу делать, полагалось именно Тарасу. Но возразить не получилось. Не орать же в исчезающую спину! Оставалось только самому тихо двинуться влево, в обход костерка и сидящих около него. Потом разберемся, с какой стати напарник так раскомандовался. Сейчас есть дела поважнее. Например, чтобы под ботинком сучок не треснул.

Впереди действительно зашевелились. Сгустки потемнели окончательно, выделялись черными точками в сером облаке. Что там еще? Боятся. Только не тех, кто к ним крадется. Себя боятся, того, что затеяли. А по сторонам, похоже, и не смотрят. Ну и хорошо. Что там,

интересно, Сашка такого высмотрел, что из себя вышел? Кого-нибудь из старых знакомых? А ведь запросто... Сейчас посмотрим.

Красноватые отблески на деревьях становились все отчетливее. Потом сквозь туман проступил дрожащий огонек костра. Время от времени светлое пятно перечеркивала тень. Наконец одна из теней замерла смутным силуэтом в пламенном ореоле. Тарас чуть прикрыл глаза, отметил в памяти положение остальных. Очень просто и знакомо – костер в центре круга. Старые знакомые. Кошкodaвы. Хотя вполне возможно, что и какие-нибудь «неоязычники» или «дети пламени». Разницы в принципе никакой, что в идеях, что в делах, но друг друга знать не хотят. Пока что. К счастью. Развелось их, однако, на нашу голову...

Пятьдесят шагов. Сорок. Тридцать пять. Тридцать. И ведь не чувствуют, не слышат! Куда там слышать – завывают себе под нос. Сбиваются, нестройно тянут что-то тоскливое. Молитва, заклинание – какая разница? Тем более что толку от нее никакого. Не меняется ничего. Разве что местная нечисть поближе подтянулась. Ну, эти всегда на дармовое угощение слетаются. А вот чтобы у этих шабашников что-то серьезное получилось – не похоже. Совсем. С чего же тогда Сашка... И куда он, собственно, пропал? Если брать – так сейчас. Тарас прислушался, всмотрелся – нет, не видать напарника. Маскируется.

Тень у костра качнулась в сторону, подняла какой-то длинный сверток. Откинула тряпку. Круг отозвался ало-желтыми искрами – страшно, но интересно. Возбуждает, видать. Донеслось сердитое, истошное мяукание. Все-таки кошка? По свертку не скажешь...

– Всем стоя-а-ать! Милиция!

Не сразу узнал голос. Рванулся к костру – и тут же на мгновение зажмурился. Не помогло – веки не защищают от того, что поверху видишь. Голубая вспышка ударила из леса, растеклась по тени с мяукающим свертком. Остальные черные сгустки тут же полыхнули

алым, рванулись от костра в разные стороны. Двое побежали прямо на Тараса. Ну что тут остается делать? Конечно же, работать. Пока что все просто, без лишних изысков. Прыгнуть навстречу одному, сграбастать его, швырнуть прямо через куст на второго. Что для человека – резервные возможности организма, для воина Древнего Народа – навык. Потом, дома, мышцы будут болеть немилосердно. Но недолго, есть средства и от этого, как не быть.

Оба черных покатались сбитыми кеглями. Кто-то еще ломился через подлесок чуть в стороне. Попробовал остановить издали – не помогло, противник споткнулся и дальше победил. Силен, однако! Это же уметь нужно, от такого увернуться! Значит, придется вручную. Три прыжка, четыре, на пятом – дотянулся до черного балахона, подправил рывок. С молодого клена сорвались последние листья. Ветер они выдержали, дожди выдержали, но головой о ствол – это уже слишком. Обернулся к костру – как там?

Там тоже все нормально. Сашка вырвался из тумана, перепрыгнул через лежащее тело. Взмахнул рукой – с ладони сорвалась красноватая стрела, умчалась в туман. Где-то коротко вскрикнули. А у нас что?

Почти ничего не изменилось. Под ноги вдоль клена сползает черный балахон. Двое первых, оказывается, в таких же были. Именно были – с одного содрали кусты, раскинули на цепких ветках. Второй выпутался сам. Даже почти встал. Это ты зря, это лишнее. Тарас

быстро свел ладони вместе, вскинул перед собой. Невидимый обычному человеку мячик сорвался с пальцев, ударил поднимающемуся в голову. Повалил, заставил судорожно дернуться. Такой же мячик достался и второму. Так, на всякий случай. Чтобы и не пробовал встать. Теперь попрыгали дальше – может, помочь нужно.

Из темноты доносились тихие стоны и невнятные причитания. Александр что-то завернул в свой пятнистый бушлат, прижал к груди. Обернулся, всмотрелся Тарасу за спину.

– Хорошо ты их. Правильно приложил. А у меня вот двое ушли. Ну и... с ними. Не до того было. Все силы на этого потратил, – тяжелый ботинок качнул скорчившееся у самого огня

тело. Рукав черного балахона попал на откатившуюся головешку, потянулся дымок. – Держать пришлось. Упорный гаденыш, сильный. И еще – вот, – ведун кивнул на бушлат.

– Что у тебя там? Котенок?

– Посмотри. Поймешь, почему мне с ними поговорить охота. Особенно вот с этим, – ботинок придавил шевельнувшийся было балахон. – Смотри, только не разбуди. У меня сил не осталось, потом сам успокаивать будешь. И вообще, поддержи, я сейчас.

Сверток оказался неожиданно увесистым. Явно не кошка – разве что какой-нибудь сибирский кот. Полпуда в бушлат завернуто, не меньше. Осторожно отогнул пушистый воротник, заглянул...

И чуть не выронил. Под ногами опять зашевелилось – Тарас, не раздумывая, пнул. От души. От всей воющей души пнул. С размаху. Так, что в балахоне что-то противно хрустнуло. Лежавший у ног коротко хлопнул и скорчился. Сволочи!!!

Ребенок недовольно заворочался. Промозглая сырость заползала в бушлат, и малышу это совсем не нравилось. Он еще не проснулся, но уже всем видом выказывал недовольство окружающим миром: кто-то должен вернуть тепло и уют, где вы там?! Тарас тихо прикрыл крохотное сморщенное личико серой овчинкой воротника. Прижал к себе пятнистый сопящий сверток, покачал. Месяцев шесть, не старше. Интересно, а мать-то его где? Не может быть, чтобы среди этих... отдыхающих. Впрочем, потом сами расскажут, откуда ребенка взяли. Расскажут. Со всеми подробностями. А забудут – найдутся желающие память освежить. Многие захотят, но Тарас место в этой очереди уже занял.

Александр вынырнул из белесой мглы, что-то на ходу засунул в рукав. Поглядел на дергающееся на земле тело, криво ухмыльнулся.

– Порядок. Жаль, тех двоих не догоним. У тебя сколько?

– Трое.

– Итого семеро, из них пятерых упаковали. Вызывай ребят, пусть забирают.

– А чем ты пятого достал? Я не разобрал, некогда было...

– Пятую. Нож бросил, ничего особенного. Я же говорю – все силы на главного ушли, – ведун задумчиво поскреб затылок. – Не рассчитал малость. Рассмотрел, кого они резать собрались, ну и сорвался. Если бы у кого-то из них ума и таланта хватило... А-а, ладно, урок на будущее. Кстати, как тебе этот пацан понравился?

– Который?

– Тот, который у тебя на руках. Хочешь сказать, не заглядывал?

– Ну, вроде бы ничего...

Александр посмотрел не то что удивленно – ошарашенно. Иначе не скажешь. Сразу стало понятно, откуда взялось это слово. От таких выпученных глаз. В точности шарики для пинг-понга.

– Так ты что... не понял?! Или не рассмотрел ничего?

– А что я должен был увидеть?

– Ну тогда еще раз посмотри.

Посмотрел – со всеми предосторожностями. Которые, впрочем, не помогли. Ребенок проснулся, посмотрел на незнакомого дядьку. Потом обиженно сморщился и заревел так, что колыхнулся туман. Тарас чуть не уронил камуфлированный сверток. Только не от крика.

– Понял теперь? – Александр перехватил бушлат, что-то зашептал на ухо сердитому малышу. Провел рукой по голове, покачал немного – крик сменился недовольным кряхтением. – Вот так получше будет, незачем сейчас кричать... Скоро домой пойдем... Между прочим, все прямо по легендам получается. Ушки остренькие, глаза раскосые, зубов полон рот – самый обычный эльфийский подменыш. Или, если по-русски, чертов.

– То есть Древний... – рассеянно уточнил Тарас.

– Можно и так сказать. Так что поехали к Олегу. Слушай, ты среди Народа все-таки чуть дольше, чем я – скажи честно, хоть раз чистокровного Древнего видел? Или чтобы хоть похож был?

– Нет. И не слышал даже.

– Ну, теперь увидели, – Александр надолго замолчал. Прошелся вокруг костра, поглядел на то, как Тарас подтаскивает бесчувственные тела в балахонах. Потом странно хмыкнул. – А знаешь, ведь в точности по сказкам получилось. Помнишь, как от подменыша избавлялись? Выходили в лес или на опушку и начинали мучить. Чтобы настоящие родители увидели, пожалели и забрали обратно. Вот еще узнать бы, кто у этого мальчика папа с мамой, поговорить по душам... Если найдутся.

– Найдем.

– Да я не о родителях, эти-то никуда не денутся. Я насчет душ. Знаешь, вот не верится мне, что этого ребенка украли. Не чувствую. Ну ничего, разберемся. Всех повязал? Теперь посмотри, у кого что отбито. Возьми мой «индик», перевяжи эту... пятаю.

– Куда ты ее?

– Да вот как раз в подходящую точку. То есть в пятаю. Вроде бы не смертельно.

– Ну ты даешь! – Тарас посмотрел на напарника с восхищением. – Метров с десяти, не меньше, да по бегущей...

– Я промазал, – хмуро откликнулся ведун. – Вообще-то я в спину целился. Да, и еще: вам тут в городе такие значки еще не попадались?

На ладони Александра что-то золотисто блеснуло. Крестик. Только необычный. Не то странно, что петелька наверху – дела египетские, знакомые. Но вот чтобы такой «анкх» еще и вверх ногами подвешивали?...

– Нет, такого еще не видел, – покачал головой Тарас. – Где нашел? Здесь?

– Трофей, только что срезал. Ну, значит, кто-то новенький. Тем интереснее.

– Какой, к че... к лешему, интерес? Расплодилось их, как собак нерезанных!

– Чем тебе собачки-то не угодили?! Жестокий ты парень, как я погляжу...

ГЛАВА 6

– Как здоровье, лейтенант? Вылечили?

– На ноги поставили, товарищ полковник. А так – в отряд я точно не вернусь. Ограничено годен.

– Да-а, помяло тебя серьезно... Ладно, спина на месте, голову тебе не оторвало – нашей работой пока можешь заниматься. Рапорт твой читал. Молодец, хорошо поработал.

– Ни хрена себе!.. Простите, товарищ полковник, вырвалось. Как же хорошо, если замеры не окончил, вертолет разбил...

– Я сказал – хорошо! Не спорь со старшими, тем более – по званию. На то она и боевая техника, чтобы не ржаветь. Вертолет ты не разбил, вертолет сбили. А вот кто или что – это мы сейчас выясняем.

– Я слышал, что там просто какая-то деталь не выдержала. Слишком большие нагрузки или еще что-то, не помню уже.

– А что ты еще в госпитале мог бы услышать? Деталь не выдержала, это точно. А вот в какой именно момент, ты помнишь? Точно над очередной целью.

– Чуть дальше, товарищ полковник.

– Дальше вы уже почти без движка несколько секунд летели. Это приборы после прохода цели начали с ума сходить. Кстати, наши спецы так до сих пор и не верят, что их аппарат перегорел еще до удара. Говорят, такого не может быть.

– Товарищ полковник, я указал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.